

Новая совесть и древнее зло

Джейн Аддамс

A New Conscience and an Ancient Evil

Jane Addams

The Project Gutenberg eBook of A New Conscience and an Ancient Evil.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Новая совесть и древнее зло

Автор: Джейн Аддамс

Дата выхода: 1 марта 2005 [eBook #15221]
Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Джеффри Краус-яо

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A NEW CONSCIENCE AND AN ANCIENT EVIL ***

НОВАЯ СОВЕСТЬ И ДРЕВНЕЕ ЗЛО

КОМПАНИЯ "МАКМИЛЛАН
НЬЮ-ЙОРК - БОСТОН - ЧИКАГО
ДАЛЛАС - САН-ФРАНЦИСКО

МАКМИЛЛАН И КО, ЛИМИТЕД
ЛОНДОН - БОМБЕЙ - КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

THE MACMILLAN CO. OF CANADA, LTD.
ТОРОНТО

НОВАЯ СОВЕСТЬ И ДРЕВНЕЕ ЗЛО

ДЖЕЙН АДДЭМС

ХАЛЛ ХАУС, ЧИКАГО

*Автор книг "Демократия и социальная этика", "Новые идеалы мира"
Дух молодости и городские улицы
Двадцать лет в Халл-Хаус*

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН
1912
Все права защищены

Авторское право, 1911 и 1912 гг.

Компания С.С. Макклюра и издательство Макклюра, Инк.

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1912 Г.

Компанией "Макмиллан

Набрано и напечатано электротипированием. Опубликовано в апреле 1912 г.

Ассоциации защиты несовершеннолетних Чикаго, чей суперинтендант и сотрудники на местах собрали большую часть материалов для этой книги, и чей президент, миссис Джозеф Т. Боуэн, так умело и сочувственно сотрудничала в ее написании.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВАЯ СОВЕСТЬ В ОТНОШЕНИИ ДРЕВНЕГО ЗЛА

ГЛАВА I Как следует из аналогии

ГЛАВА II На что указывают последние законодательные акты

ГЛАВА III На что указывает улучшение экономических условий

ГЛАВА IV О нравственном воспитании и правовой защите детей

ГЛАВА V В связи с благотворительным спасением и профилактикой

ГЛАВА VI В связи с усилением социального контроля

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующий материал, большая часть которого была опубликована в журнале *McClure's Magazine*, был написан не с точки зрения эксперта, а в связи с моей собственной потребностью в контрзнании по отношению к обескураживающей массе информации, которая поступала ко мне через Ассоциацию защиты несовершеннолетних Чикаго. Отчеты, которые двадцать ее сотрудников на местах ежедневно приносили в главный офис, примыкающий к Халл-хаусу, стали для меня откровением об опасностях, скрытых в городских условиях, и о соблазнах, которые намеренно расставлены вокруг многих молодых девушек, чтобы вовлечь их в порочную жизнь.

Как глава Комитета по публикациям, я читала оригиналы документов из серии специальных исследований, проведенных Ассоциацией в отношении танцевальных залов, театров, парков развлечений, экскурсионных лодок на озерах, мелких азартных игр, домашней обстановки ста детей, находящихся в ювенальном суде, и записей четырех тысяч родителей, которые явно способствовали правонарушениям в своих собственных семьях. Ассоциация также собрала личные истории двухсот девушек из универмагов, двухсот фабричных девушек, двухсот девушек-иммигранток, двухсот офисных девушек и девушек, работающих в ста отелях и ресторанах.

Хотя этот опыт был очень тягостным, я, с другой стороны, был впечатлен, а порой и поражен большим и разнообразным количеством людей, для которых само существование белого работорговли стало невыносимым и которые быстро откликались на любой призыв, обращенный к их жертвам. Городские власти, полицейские, судьи, адвокаты, работодатели, профсоюзные деятели, врачи, учителя, новоприбывшие иммигранты, священнослужители,

железнодорожники и газетчики, испытывая глубокое чувство вины, не жалели времени и сил, когда предоставлялась возможность помочь отдельной девушке, продвинуть законодательство, направленное на ее защиту, или создать учреждения для ее спасения.

Поэтому я смею надеяться, что, служа своей собственной потребности, я могу также служить потребности быстро растущей общественности, когда я излагаю для рационального рассмотрения соблазны, окружающие множество молодых людей, и когда я собираю, насколько могу, многочисленные признаки новой совести, которая в различных направлениях медленно набирает силу и которую, как мы можем трезво надеяться, в конце концов успешно ополчится против этого невероятного социального зла, каким бы древним оно ни было.

Халл Хаус,
Чикаго.

ГЛАВА I

АНАЛОГИЯ

В каждом крупном городе мира тысячи женщин настолько отвержены от приличного общества, что считается неприличным произносить само слово, обозначающее их. Лекки называет этот тип женщин "самой скорбной и самой ужасной фигурой в истории": он говорит, что "она остается, в то время как вероисповедания и цивилизации поднимаются и падают, вечной жертвой человечества, испепеленной за грехи народа". Но зло, столь древнее, что оно заложено в самой ранней истории человека, как известно, колышется перед просвещенным общественным мнением и в конце концов уступает место растущей совести, которая рассматривает его сначала как моральное оскорбление, а в конце концов как абсолютную невозможность. Так, поколение, жившее незадолго до нас, наши собственные отцы, выкорчевали огромные корни рабства, "дерева, которое в буквальном смысле слова было так же старо, как род человеческий", хотя рабство, несомненно, зародилось в пленниках, захваченных человеком в самых ранних войнах, так же как и это существующее зло.

Те из нас, кто считает, что видит зачатки новой совести в отношении этого двойника рабства, столь же старого и возмутительного, как само рабство, и еще более упорного, находят возможной аналогию между определенными гражданскими, филантропическими и образовательными усилиями, направленными против самого существования этого социального зла, и аналогичными организованными усилиями, которые предшествовали свержению рабства в Америке. Так, задолго до того, как рабство было окончательно объявлено незаконным, существовали международные правила его оборота, законы штатов и федеральные законы, касающиеся его распространения, и множество внеправовых попыток контролировать злоупотребления; точно так же мы имеем международные правила, касающиеся оборота белых рабов, законы штатов и межштатов по его пресечению и внеправовые полномочия в связи с ним, настолько универсально предоставленные муниципальной полиции, что обладание этими полномочиями стало одним из главных источников коррупции в каждом американском городе.

Прежде чем общество было готово выступить против института рабства как такового, группы мужчин и женщин с помощью подземной железной дороги лелеяли и воспитывали отдельных рабов; вряд ли стоит указывать на сходство с домами спасения и профилактическими ассоциациями, которые есть в каждом большом городе.

Всегда легко переборщить с аналогиями, и все же экономист, который годами настаивал на том, что рабский труд постоянно и произвольно ограничивает заработную плату свободного труда и поэтому наносит ущерб национальному богатству, был предтечей современного экономиста, который указывает на экономическую основу социального зла, на связь между низкой зарплатой и отчаянием, между переутомлением и потребностью в безрассудных удовольствиях.

Прежде чем американская нация согласилась считать рабство неоправданным с точки зрения общественной морали, целая армия реформаторов, лекторов и писателей в непрекращающемся потоке инвектив, призывов и изображений человеческой жестокости, которой была подвержена эта система. Мы можем видеть разведчиков и аванпосты аналогичной армии, продвигающейся против этого существующего зла: врачи и санитары, которые стремятся избавить расу от заразных болезней, учителя и лекторы, вызывающие к высокой нравственности тысяч молодых людей; растущая литература, не только биологическая и дидактическая, но и популярная, более близкая к "Хижине дяди Тома".

На протяжении всей агитации за отмену рабства в Америке находились государственные деятели, которые постепенно убеждались в политической и моральной необходимости предоставления освобожденному человеку защиты избирательного права. В нынешней агитации есть, по крайней мере, несколько мужчин и женщин, которые хотели бы предоставить большую социальную и политическую свободу всем женщинам, хотя бы потому, что домашний контроль оказался таким неэффективным.

Мы, безусловно, можем черпать мужество в том, что наши современники горят социальным состраданием и энтузиазмом, к которым были равнодушны даже наши непосредственные предшественники. Такие сострадания всегда проявлялись с разной степенью пылкости в разных группах одного и того же общества. Так, среди тех, кто вновь пробудился к действиям в отношении социального зла, много тех, кто стремится регулировать его и считает, что может минимизировать его опасности, еще больше тех, кто хотел бы исключить любую торговлю невольными жертвами в связи с ним, и еще больше тех, кто считает, что как квазизаконный институт он может быть полностью отменен. Возможно, аналогия с отменой рабства наиболее поразительна в том, что эти группы в своих различных точках зрения похожи на те ранние ассоциации, которые сильно различались в отношении рабства. Только так называемые экстремисты, в первую очередь, выступали за отмену рабства, и им постоянно говорили, что то, что они предлагают, явно невозможно. Перед ними ставились огромные юридические и коммерческие препятствия и уверенно утверждалось, что вина за историческое существование рабства лежит глубоко в самой человеческой природе. Тем не менее постепенно все эти ассоциации встали на точку зрения аболиционистов, и до окончания войны даже самые вялые сторонники союза не видели иного решения проблемы нации. Подобное постепенное обращение к точке зрения аболиционистов происходит в каждом обществе или группе людей, которые всерьез сталкиваются с трудностями и осложнениями социального зла. Безусловно, все национальные организации - Национальный комитет бдительности, Американская федерация чистоты, Альянс за подавление и предотвращение торговли белыми рабами и многие другие - выступают за окончательное искоренение коммерциализированного порока. Местные комиссии по борьбе с пороком, такие как недавно созданная в Чикаго, хотя и состоят из членов с различными убеждениями относительно возможности контроля и регулирования, в конце концов, объединились в рекомендации по обеспечению соблюдения закона, направленного на окончательную отмену. Даже самые скептически настроенные жители Чикаго, прочитав этот бесстрашный документ, разделили надежду комиссии на то, что "город, пробудившись

к истине, немедленно восстанет против социального зла во всех его проявлениях". Аналогичная рекомендация об окончательном запрете была недавно единогласно принята комиссией по делам нравов Миннеаполиса после обращения многих ее членов. Несомненно, перед всеми национальными обществами стоит задача не менее гигантская, чем та, что стояла перед ранними ассоциациями в Америке по подавлению рабства, хотя, возможно, будет уместно напомнить им, что самое известное общество против рабства в Америке было организовано аболиционистами Новой Англии в 1836 году и только тридцать шесть лет спустя, в 1872 году, было официально распущено, поскольку его цель была достигнута. Длительная борьба, которая предстоит этим новым ассоциациям, несомненно, потребует своих мучеников и героев, и уже потребовала их в течение последних тридцати лет. Немногие праведные дела избежали крещения кровью; тем не менее, перефразируя речь Линкольна, можно сказать, что если бы кровь требовалась капля за каплей в меру слез страдающих матерей и поработанных девочек, то нация все равно была бы вынуждена вступить в борьбу.

На протяжении всего этого тома выражение "социальное зло" используется для обозначения сексуальной торговли, которая разрешена в каждом крупном городе, обычно в сегрегированном районе, где целомудрие женщин покупается и продается. Изменения в правовых кодексах, касающихся брака и развода, моральные суждения, касающиеся целой группы вопросов, в центре которых находится незаконная связь между мужчиной и женщиной, - это совсем другие вопросы, которые здесь не рассматриваются. Такие проблемы всегда должны оставаться отдельными от проблем коммерциализированного порока, как и отношение к неустранимому минимуму проституции, который, несомненно, будет существовать еще долго, подобно тому как в обществе до сих пор сохраняется неустранимый минимум убийств. В этом томе не рассматривается возможное будущее проституции и приводится лишь историческая справка, необходимая для понимания нынешней ситуации. В нем я попытаюсь изложить причины, способствующие возникновению проституции, как они запечатлелись в моем сознании в результате долгого проживания в многолюдном городском квартале, и изложить признаки, как я их вижу, нового сознания с его многочисленными и разнообразными проявлениями.

Ничто не поможет сделать ситуацию лучше или хуже, чем она есть, и ничем не отличается от того, что есть. Это древнее зло действительно является социальным в смысле ответственности общества, и его можно понять и устранить только тогда, когда мы посмотрим в лицо этому факту и соизмерим ресурсы, которые могут быть направлены против него. Возможно, самым ярким свидетельством того, что наше поколение стало носителем нового морального сознания в отношении существования коммерциализированного порока, является тот факт, что простое созерцание его ввергает более чувствительных мужчин и женщин среди наших современников в состояние возмущенного бунта. Несомненно, инстинктивное уклонение от этой эмоции и неосознанный страх, что эта современная чувствительность будет оскорблена, оправдывают для себя стольких нравственных мужчин и женщин в их упорном невежестве по этому вопросу. И все же один из самых очевидных ресурсов в нашем распоряжении, который можно было бы использовать немедленно, если это вообще возможно, - это всепоглощающая жалость и чувство защиты, которые недавние разоблачения белой работорговли вызвали у тысяч молодых девушек, многие из которых еще дети, ежегодно приносимые в жертву "грехам народа". Все эти эмоции должны иметь ценность, ведь как состояние эмоций неизменно является органической подготовкой к действию, так и то, что без них не может произойти глубокая духовная трансформация, несомненно, правда.

В конце концов, человеческий прогресс в значительной степени обязан изучению несовершенства, а советы отчаяния, если и не полны опытной мудрости, то, по крайней мере, плодотворны в плане внушения и отчаянного побуждения к действию. Сочувственное знание - единственный способ подхода к любой человеческой проблеме, и линия наименьшего сопротивления в джунглях человеческой бедности всегда должна проходить через ту область, которая наиболее тщательно изучена не только с помощью информации статистиков, но и с помощью сочувственного понимания. Мы ежедневно достигаем последнего благодаря таким авторам, как Судерман и Эльза Жерузалем, которые позволили своим читателям понять так называемую "падшую" женщину через искусное изображение реакции опыта на личность. Их реализм избавил ее от сентиментальности, окружавшей невозможную Камиллу, так же как их собратья по реализму заменили плачущих Амелий викторианской эпохи разумными женщинами, выписанными из реальной жизни.

Обращение к этой теме в американской литературе в настоящее время находится на стадии памфлета, хотя количество рассказов и романов, посвященных ей, постоянно растет. С другой стороны, пьесы, в которых Бернард Шоу постоянно ставит правду перед публикой в Англии, как это делает Брие для публики во Франции, вызывают у зрителей тревожное чувство, что общество вовлечено в коммерциализированный порок и должно быстро найти выход. Такое письмо подобно барабанному бою, возвещающему о приближении войск, готовых к бою.

Некоторые из писателей, несущих эту доблестную службу, относятся к тем великим художникам, которые в каждую эпоху вступают в долгую борьбу с существующими социальными условиями, пока через много лет не меняют взгляды на жизнь хотя бы горстки своих современников. Их читатели оказываются уже не просто недоумевающими зрителями того или иного социального зла, а осознают собственное лицемерие по отношению к нему и понимают, что настоящий ужас, просто потому, что он был скрыт, стал казаться им неизбежным и почти нормальным.

Многие следы этого первого тревожного осознания социального зла можно найти в современной литературе, и хотя дело литературы - откровение, а не реформация, она еще может совершить для ныне живущих мужчин и женщин то очищение воображения и интеллекта, которое, по мнению греков, должно было прийти через жалость и ужас.

Опираясь на знания об эволюционных процессах, мы научились легкомысленно говорить об обязательности прогресса расы и возможности ее вырождения. В этом отношении мы, безусловно, смотрим на вещи шире, чем наши отцы, которые так доблестно боролись с рабством и добились его свержения. Пусть новое сознание набирает силу, пока мужчины и женщины, действующие под его влиянием, не будут вынуждены искоренить это древнее зло!

ГЛАВА II

ПОСЛЕДНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

В настоящее время даже наименее совестливые граждане согласны с тем, что, прежде всего, необходимо пресечь организованную торговлю тем, что стало называться белыми рабами, и арестовать и привлечь к ответственности тех торговцев, которые приобретают своих жертв в чисто коммерческих целях. Поскольку спасти обманутых и незаконно удерживаемых девушек невозможно только через государственные органы, наиболее яркие разоблачения белого работорговли, естественно, происходят именно в судебном порядке. Для удобства мы можем разделить эти судебные дела на те, которые касаются

международной торговли, те, которые касаются государственной и межгосударственной торговли, и те, которые касаются только муниципалитета.

Первой по значимости для торговли белыми рабынями является девушка, ввозимая из-за границы, которая по своей природе находится в полной власти торговца. Она в буквальном смысле слова лишена друзей, не знает языка и в конце концов, обескураженная, не предпринимает никаких попыток к бегству. В последнее время в Чикаго было рассмотрено множество дел о международном трафике, и федеральные власти вынесли преступникам обвинительный приговор. Одно из этих дел, привлечшее большое внимание всей страны, касалось Мари, французской девочки, дочери бретонского каменщика, настолько старого и бедного, что он был вынужден забрать ее из монастырской школы в возрасте двенадцати лет. Он отправил ее в Париж, где она стала маленькой домашней работницей и кормилицей, работая с шести утра до восьми вечера, и в течение трех лет отправляла свое жалованье, составлявшее около франка в день, прямо своим родителям в бретонскую деревню. Однажды днем, когда она покупала бутылку молока в крошечном магазинчике, ее разговорил молодой человек, пригласивший ее в маленькую кондитерскую, где, дав ей несколько конфет, он познакомил ее со своим другом, месье Паретом, который собирал театральную труппу для поездки в Америку. Парет показал ей фотографии нескольких великолепно одетых молодых девушек и объявления о предстоящих гастролях, и Мари почувствовала себя очень польщенной, когда ей намекнули, что она может присоединиться к этой блестящей труппе. После нескольких тайных встреч, посвященных совершенствованию плана, она покинула город вместе с Паретом и симпатичной француженкой, чтобы отплыть в Америку вместе с остальными так называемыми актерами. Парет избежал обнаружения иммиграционными властями в Нью-Йорке, используя свою уловку "труппы Кинселлы", и доставил девушек прямо в Чикаго. Здесь их поселили в неприглядном доме, принадлежащем человеку по имени Лэр, который дал деньги на их ввоз. Две француженки оставались в этом доме в течение нескольких месяцев, пока на них не напала полиция, после чего их разослали по разным домам. Записи, которые позже были переданы в суд, показывают, что в это время Мари зарабатывала двести пятьдесят долларов в неделю, все из которых она отдавала своим работодателям. Несмотря на такой большой денежный доход, ее часто жестоко избивали, заставляли убираться по дому и, конечно же, не разрешали выходить из дома. Кроме того, поскольку один из методов удержания нежелающей работать девушки заключается в том, чтобы безнадежно загнать ее в долги и всегда взыскивать с нее расходы, понесенные на ее содержание, Мари, как импортированная девушка, сразу же оказалась в огромном долгу за океанское путешествие для Парета и для себя. В дополнение к этой крупной сумме с нее, согласно всеобщему обычаю, взимались непомерно высокие цены на всю одежду, которую она получала, и на все деньги, которые Парет решал снять с ее счета. Позже, когда Мари заболела брюшным тифом, ее отправили на лечение в государственную больницу, и именно во время болезни, когда проводилось общее расследование по поводу торговли белыми рабами, ее посетил федеральный чиновник. Мари, которая думала, что умрет, свободно дала свои показания, которые оказались очень ценными.

Федеральные власти, следившие за ее показаниями, в конце концов обнаружили Парета в городской тюрьме Атланты, штат Джорджия, где он был осужден по аналогичному обвинению. Его доставили в Чикаго, и на основании его показаний Лэйр также был осужден и заключен в тюрьму.

С тех пор Мари вышла замуж за человека, который хочет оградить ее от влияния прежней жизни, но, хотя ей еще нет двадцати лет и она делает честные усилия, пережитое, видимо,

настолько исказило и ослабило ее волю, что ей лишь частично удастся выполнять свои решения, и она каждый месяц посылает своим родителям во Францию десять или двенадцать долларов, которые, по ее признанию, заработала незаконным путем. Как будто постыдные переживания, которым насильно подвергли эту маленькую бретонскую девочку, воспитанную в монастыре, окончательно запечатлелись в каждой фибре ее существа, пока насильственная деморализация не стала подлинной. Теперь она так же бессильна спастись от своих субъективных соблазнов, как пять лет назад была бессильна спастись от своих похитителей.

Такая деморализация, конечно, наиболее ценна для белого работорговца, ведь когда девушка полностью привыкает к этой жизни и свидетельствует, что находится в ней по собственной воле, она ставит себя вне защиты закона. Она принадлежит к юридически униженному классу, не имея возможности получить возмещение в суде за нанесенные ей личные обиды.

Сама Мари в конце третьего года своего пребывания в Америке обратилась в полицию с просьбой о помощи, но лейтенант, который в ответ на ее письмо посетил дом, был убежден Лэрмом, что она находится там по собственной воле и поэтому он ничего не может для нее сделать. Легко понять, почему таким образом становится частью бизнеса сломить нравственную природу девушки всеми теми ужасными приемами, которые постоянно использует владелец белой рабыни. Поскольку жизнь этих несчастных девушек так часто коротка, их владельцы морально разлагают их как можно быстрее, чтобы смерть не отпустила их раньше, чем они получают полную прибыль. В дополнение к количеству принесенных в жертву добродетелей, к массе бессильных страданий, которые представляют собой эти белые рабыни, наша цивилизация становится постоянно запятнанной порочной практикой, направленной на ускоренную деморализацию невольных жертв, чтобы сделать их коммерчески ценными. Более того, девушка, ставшая таким образом более полезной для своего хозяина, впоследствии не сможет тронуть ни рыцарское достоинство мужчин, ни нежность женщин, потому что добрые мужчины и женщины убедились в ее врожденном вырождении - слово, которое мы научились употреблять с той благосклонностью, с которой раньше относились к первородному греху. Сам бунт общества против таких девушек используется их владельцами как защита бизнеса.

Дело против похитителей Мари, как и двадцать четыре других дела, умело и энергично вел Эдвин В. Симс, окружной прокурор Соединенных Штатов в Чикаго. Он вел дело в соответствии со статьей закона об иммиграции 1908 года, который, к сожалению, был признан неконституционным в начале следующего года, и на данный момент федеральные власти оказались не в состоянии напрямую бороться с этим международным трафиком. Они не могли действовать в соответствии с международным договором о белых рабах, подписанным договаривающимися державами в Париже в 1904 году и провозглашенным президентом Соединенных Штатов в 1908 году, поскольку было признано невозможным выполнять его положения без федеральной полиции. Длительное рассмотрение этого договора в Конгрессе ясно показало нации, что именно в таких вопросах военно-морские силы бессильны и что по мере того, как наши международные проблемы становятся все более социальными, должны быть созданы другие агентства, на чем давно настаивали арбитражные комитеты. Обсуждение международного договора поставило эту тему перед всей страной как вопрос для немедленного принятия законодательства и действий исполнительной власти, и в 1910 году Конгресс принял Закон о торговле белыми рабами, в соответствии с которым впоследствии проводились все судебные процессы. Когда в 1909 году решение по иммиграционному пункту вновь возложило бремя судебного преследования

на штаты, мистер Клиффорд Роу, тогдашний помощник прокурора штата, в течение одного года расследовал 348 подобных дел, внутренних и иностранных, и успешно преследовал 91, продолжая активную политику, начатую прокурором Соединенных Штатов Симсом. В 1908 году в Иллинойсе был принят первый в этой стране закон о сводничестве, переqualифицировавший это преступление из нарушения общественного порядка в проступок и значительно ужесточивший наказание. Во многих штатах сводничество до сих пор так мало определено, что это преступление считается просто нарушением правил поведения и причисляется к тому же классу правонарушений, что и продажа проездных билетов.

В результате этих энергичных действий Чикаго стал первым городом, который взглянул на ситуацию прямо в лицо и начал решительную деловую борьбу против сводничества. Общественные деятели открыли офис, в который вошел мистер Рой, уполномоченный отслеживать следы торговли, где бы они ни обнаруживались, и привлекать торговцев к ответственности; в результате белые работоторговцы настолько испугались, что ввоз девушек в Чикаго из-за границы заметно сократился. По оценкам мистера Роу, с 1909 года из города было изгнано около тысячи белых работоторговцев, из которых тридцать или сорок были импортерами иностранных девушек.

На протяжении всех обсуждений в Конгрессе проблемы торговли белыми рабынями, начиная с принятия закона Хауэлла-Беннета в 1907 году, было очевидно, что эта тема тесно связана с иммиграцией, и когда в декабре 1909 года комиссия по иммиграции представила Конгрессу частичный отчет о "ввозе и укрывательстве женщин в аморальных целях", ее выводы лишь подчеркнули отчет генерального комиссара по иммиграции, сделанный ранее в том же году. В его отчете международный трафик был прослежен непосредственно до Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Буффало, Нового Орлеана, Денвера, Сиэтла, Портленда, Солт-Лейк-Сити, Огдена и Батте. Поскольку список городов был сравнительно невелик, небезосновательно было надеяться, что международный трафик будет жестко преследоваться, и с ним удастся покончить, несмотря на его изощренные методы, разветвленную сеть и финансовые ресурсы. Только чиновники с твердой совестью могут бороться с этим трафиком; но, безусловно, не может быть более благородного дела для федеральных чиновников и чиновников штатов, чем защита девушек-иммигранток.

Очевидно, что иностранная девушка, не говорящая по-английски, не имеющая ни малейшего представления о том, в каком районе города живут ее соотечественники, не знающая ни полицейского участка, ни агентства, в которое она может обратиться, представляет для белого работоторговца почти такую же ценность, как и девушка, привезенная непосредственно для торговли. Работоторговец делает все возможное, чтобы перехватить такую девушку до того, как она сможет связаться со своими родственниками. Хотя на Эллис-Айленде предпринимаются все меры предосторожности, место назначения девушки тщательно указывается в ее билете, а с ее друзьями поддерживается связь, после того как она садится в поезд, государственная защита снимается, и с девушкой может произойти много неприятностей на пути между Нью-Йорком и конечным пунктом назначения. Только в этом году польская мать из района Халл-Хаус не смогла найти свою дочь в нью-йоркском поезде, о котором ее предупредили, потому что девушку уговорили покинуть нью-йоркский поезд в Южном Чикаго, где ее встретили два молодых человека, один из которых был хорошо известен полиции, а другой - молодой поляк, якобы посланный матерью девушки.

Девушка-иммигрантка сталкивается с опасностями уже в момент своего прибытия. Извозчики и курьеры часто бывают недобросовестными. Одному из них недавно было

предъявлено обвинение в Чикаго в том, что он регулярно подвозил девушек-иммигранток для одного из неблаговидных отелей. Не говорящая по-английски девушка, передающая свой письменный адрес извозчику, не имеет возможности узнать, куда он ее отвезет, но вынуждена безоговорочно довериться ему. Лига защиты иммигрантов добилаь многих изменений в этом отношении, но в ее архивах есть несколько печальных историй о девушках, которых так легко обмануть.

Иногда девушку-иммигрантку эксплуатирует ее собственный любовник, за которого она приехала в Америку, чтобы выйти замуж. Мне вспоминается случай, когда русская девушка была вовлечена в неблаговидную жизнь мужчиной, обманувшим ее с помощью фиктивной церемонии бракосочетания. Хотя девушку нашли только через год, она не переставала расстраиваться и бунтовать. Многие словацкие и польские девушки, приехавшие в Америку без родственников, селятся в домах, уже заполненных их соотечественниками, которые также отправились со своими семьями на землю обетованную, в надежде заработать достаточно денег, чтобы потом послать за ними. Таким образом, девушка-иммигрантка подвергается опасностям в тот самый момент, когда она менее всего способна защитить себя. Такую девушку, уже сбиту с толку переездом из старого мира в американский город, к сожалению, иногда убеждают, что свобода новой страны отменяет необходимость в брачной церемонии. Многим другим говорят, что наказание за моральный проступок в Америке менее сурово, чем в старой стране. В материалах Муниципального суда Чикаго за последний месяц, выделенного для рассмотрения дел о семейных отношениях, значатся шестнадцать несчастных девушек, из которых восемь - иммигрантки восьми разных национальностей. Эти разочарованные и покинутые девушки становятся легкой добычей для сводников, которые иногда находятся в сговоре с их любовниками.

Даже те девушки, которые иммигрируют со своими семьями и поддерживают с ними дружеские отношения, часто остаются без сопровождения. Матери иммигрантов не знают, где работают их дочери, кроме того, что это неясно - "вон там" или "в центре города". Сами они были под присмотром заботливых матерей и с радостью отдали бы такой же присмотр своим дочерям, но вся ситуация настолько не похожа на ту, что была в их собственной крестьянской юности, что, удрученные своей неспособностью судить о ней, они не делают никаких попыток понять жизнь своих дочерей. Девушки, осознавая эту неспособность своих матерей, воодушевленные тем чувством независимости, которое всегда приносит первый вкус самостоятельного существования, защищенные от наблюдения в определенные часы, почти так же свободны от социального контроля, как и традиционный молодой человек, приехавший из деревни, чтобы позаботиться о себе в большом городе. Эти родители-иммигранты, конечно, не в состоянии предвидеть, что, хотя девушка чувствует определенную сдержанность общественного мнения со стороны соседей по доходному дому, среди которых она живет, и хотя она также реагирует на общественное мнение своих товарищей на фабрике, где она работает, нет никакого общественного мнения, действующего как сдерживающий фактор на нее в часы, которые лежат между этими двумя, занятыми приходом и уходом на работу по улицам достаточно большого города, чтобы предложить все возможности для сокрытия. Многие виды отдыха, предлагаемые коммерческими агентствами, даже в своей рекламе намеренно играют на интересе к сексу, потому что именно под воздействием такого возбуждения и алкоголя деньги тратятся наиболее безрассудно. Великая человеческая динамика, которую долгими веками пытались ограничить рамками семейной жизни, сознательно используется в рекламных целях, и неизбежно, что многие девушки поддаются на такие соблазны.

С другой стороны, восхищение вызывают многочисленные девушки-эмигрантки, которые в условиях непреодолимых трудностей противостоят всем соблазнам. Такого восхищения, безусловно, заслуживала Ольга, высокая, красивая девушка, немного пассивная и медлительная, но с тем оттенком достоинства, который так часто придает молодым людям постоянный самоанализ. Ольга уже год жила в Чикаго у тетки, которая, вернувшись в Швецию, устроила племянницу в пансион, который, как она знала, был вполне респектабельным. Но бездомная девушка такой поразительной красоты не могла избежать махинаций тех, кто наживается на продаже девушек. Почти сразу же Ольга обнаружила, что к ней пристали два молодых человека, которые постоянно навязывали ей свое внимание, хотя она отклоняла все их приглашения на спектакли и танцы. За полгода испуганная девушка четыре раза меняла место жительства, надеясь, что мужчины не смогут ее преследовать. Кроме того, ей постоянно приходилось искать место подешевле, поскольку в том году сезон затишья в плащевом деле наступил рано. В пятом пансионе она в конце концов так безнадежно задолжала, что хозяйка, устав ждать, когда "начнется новый пошив плащей", выполнила давнюю угрозу и однажды летним вечером в девять часов буквально выставила Ольгу на улицу, оставив в уплату долга свой сундук. Девушка несколько часов бродила по улице, пока ей не показалось, что она видит вдалеке одного из своих преследователей, и тогда она поспешно укрылась в укромном дверном проеме, скорчившись от ужаса. Хотя к ней никто не подходил, она просидела там до глубокой ночи, очевидно, слишком апатичная, чтобы двигаться. С любопытной беспечностью угрюмой юности ее не побудила к действию ситуация, в которой она оказалась. Это происшествие стало для нее олицетворением вечной загадки Вселенной, решения которой она не видела, и она тоскливо решила броситься в озеро. Выйдя на рассвете из подъезда с этой жалкой целью, она привлекла внимание проходящего мимо полицейского. На его вопросы, поначалу любезные, но затем ставшие все более раздражительными, поскольку он был уверен, что она либо "тронулась умом", либо "наводит на него порчу", он получил сбивчивый рассказ о преследованиях двух молодых людей и в полном недоумении отвел ее в участок по тому самому обвинению против мысли, о котором она так долго твердила.

Девушка, несомненно, была угрюма в суде на следующее утро; она была возмущена разговорами полицейского, она была подавлена и удручена, а потому молчалива. Сама она потом говорила, что "часто бывала неподвижна". Она так остро ощутила позор ареста после долгой борьбы за респектабельность, что назвалась вымышленным именем и ввязалась в историю, которой могла уделить лишь половину своего внимания, будучи все еще поглощенной потоком умозрительных мыслей, которые постоянно прорывались сквозь хлипкую историю, которую она сочиняла.

С учетом представленных доказательств судья счел необходимым поддержать обвинение полицейского, а поскольку Ольга не могла заплатить назначенный штраф, он приговорил ее к городской тюрьме. Однако девочка вела себя так странно, что судье стало не по себе, и он отдал ее на попечение представительнице Ассоциации защиты несовершеннолетних в надежде, что та сможет выяснить всю ситуацию и тем самым отсрочить приговор. Потребовались часы терпеливых бесед с девочкой и любезные услуги известного алиениста, чтобы проникнуть в ее опасное душевное состояние и завоевать ее доверие. Длительное лечение позволило предотвратить угрозу меланхолии, и она наконец-то была спасена от бессмысленного уныния, столь враждебного самой жизни, жертвами которого стали многие молодые люди.

Странно, что мы так медленно учимся тому, что никто не может спокойно жить без общения и привязанности, что человек, который пробует провести опасный эксперимент и остаться

хотя бы без одного из них, подвергается опасности быть захлестнутым черным настроением изнутри. Как будто мы должны строить маленькие островки привязанности в огромном море безличных сил, чтобы они нас не захлестнули. И все же мы знаем, что в каждом крупном городе есть сотни людей, чей бизнес заключается в том, чтобы находить девушек, страдающих от одиночества и отчаяния, внушать им старую отговорку: "Никому нет дела до того, что ты делаешь", внушать им дешевый цинизм в отношении ценности добродетели, - и все это ради получения прибыли в бизнесе.

Если бы Ольга поддалась на уговоры плохих людей и если бы иммиграционные власти в федеральном здании Чикаго обнаружили ее в неблаговидном отеле, в который ее хотели поместить похитители, ее бы депортировали в Швецию, отправив домой с позором из страны, которая не смогла ее защитить. Конечно, иммиграционные законы могли бы сделать лучше, чем отправлять девушку обратно к родителям, больную и опозоренную, потому что Америка не смогла защитить ее добродетель от махинаций известных, но необузданных преступников. Возможность депортации по обвинению в проституции иногда используется ревнивыми мужьями или отвергнутыми любовниками. Только в прошлом году одна русская девушка приехала в Чикаго, чтобы встретиться со своим возлюбленным, и была обманута фиктивным браком. Несмотря на то, что мужчина по сути бросил ее через несколько недель, через год он стал очень ревнивым, когда узнал, что она собирается выйти замуж за преуспевающего соотечественника, и выдвинул против нее обвинения федеральным властям по поводу ее жизни в России. С величайшим трудом девушку удалось спасти от депортации в Россию при обстоятельствах, которые вынудили бы ее взять красный билет в Одессе и навсегда остаться жить той жизнью, в которой ее бесцеремонно обвинил возлюбленный.

Можно ли надеяться, что со временем политика страны в отношении иммигрантов станет менее негативной и что им будет предоставлена определенная защита в течение тех трех лет, когда они так подвержены опасности скорой депортации, если станут преступниками или нищими?

Хотя федеральным властям, возможно, будет трудно обеспечить такую защиту и, несомненно, потребуется расширить полномочия Департамента иммиграции, никто не сомневается, что дело самого города - предоставить гораздо больше защиты молодым девушкам, которые так бездумно ходят по его улицам. И все же, несмотря на серьезные последствия, которые влечет за собой отсутствие должного контроля, муниципальное отношение к коммерческому пороку не только различно в каждом городе, но и сильно варьируется в одном и том же городе при смене администраций.

Ситуация чрезвычайно осложняется фарисейским отношением общественности, которая хочет, чтобы социальное зло было объявлено незаконным, и в то же время ожидает, что полицейское управление будет регулировать его и делать как можно менее очевидным. На самом деле от полиции, как они сами знают, ожидается не служение обществу в этом вопросе, а удовлетворение желаний политиков; ведь, помимо быстрого и свободного полицейского контроля над азартными играми, ничто не дает лучшего политического материала, чем регулирование коммерциализированного порока. Первым в очереди стоит приходской политик, который содержит беспорядочный салун, служащий одновременно местом встречи порочных молодых людей, занимающихся трафиком, и рынком для их товаров. За это вышестоящий политик получает свою долю от пошлин, которые платит этот бизнес, чтобы он оставался беспрепятственным. Само существование сегрегированного района в условиях полицейского регулирования означает, конечно, что существующий закон должен быть аннулирован или, по крайней мере, стать абсолютно недействующим.

Когда полицейское регулирование заменяет собой правоприменение, неизбежно возникает разновидность муниципального шантажа. Полиция вынуждена регулировать незаконную торговлю, но поскольку люди, занимающиеся незаконным бизнесом, рассчитывают платить деньги за его защиту, коррупция в полицейском департаменте прочно укоренилась и, как отмечается в отчете Чикагской комиссии по борьбе с пороком, называется просто "защитой бизнеса". Практика подкупа после этого становится почти официальной. С другой стороны, любой человек, который пытается проявить милосердие к жертвам этого бизнеса или регулировать его с точки зрения жертвы, считается предателем дела. Совсем недавно бывший инспектор полиции в Чикаго установил требование, чтобы каждая девушка, пришедшая жить в неблагополучный дом в пределах определенного района, докладывалась ему в течение часа после прибытия. Каждую из них тщательно допрашивали о причинах, побудивших ее вступить в такую жизнь. Если она была очень молода, ее предупреждали о неизбежных последствиях и убеждали отказаться от затеи. Ей предлагалась любая помощь, чтобы вернуться к работе и жить нормальной жизнью. Иногда девушка впадала в отчаяние, и приходилось насильно задерживать ее в полицейском участке, пока не удавалось связаться с ее друзьями. Чаще всего девушка была рада воспользоваться шансом на побег; практически всегда, если только она уже не завязала романтические отношения с неблаговидным молодым человеком, которого она твердо верила в то, что он ее настоящий любовник и защитник.

Однажды в Халл-Хаус пришло телефонное сообщение от инспектора с просьбой взять под опеку молодую девушку, которую привела в участок пожилая женщина для регистрации. Молодость девушки и невинность ее ответов на обычные вопросы убедили инспектора в том, что она не знала о жизни, в которую собиралась вступить, и, вероятно, полагала, что просто регистрирует свой выбор пансиона. Ее история, которую она рассказала в Халл-Хаусе, была следующей: Она была фабричной девушкой из Милуоки, дочерью богемного плотника. За десять дней до этого она познакомилась с молодым человеком из Чикаго в танцевальном зале Милуоки и после непродолжительных ухаживаний пообещала выйти за него замуж, договорившись встретиться с ним в Чикаго на следующей неделе. Опасаясь, что ее богемная мать не одобрит этот план, который она называла "американским способом выйти замуж", девушка поднялась однажды утром даже раньше, чем того требовала работа на фабрике, и села на первый поезд до Чикаго. Молодой человек встретил ее на вокзале, отвел в салун, где познакомил с подругой, пожилой женщиной, которая, по его словам, будет о ней заботиться. После того как молодой человек исчез, якобы для получения разрешения на брак, женщина призналась, что была очень шокирована тем, что маленькая невеста не взяла с собой никакого багажа, и убедила ее, что она должна поработать несколько недель, чтобы заработать деньги на платье, и что она, пожилая женщина, знающая город, найдет для нее пансион и место на фабрике. Далее она убедила ее написать почтовые открытки шести своим подругам в Милуоки, рассказав им о доброй леди в Чикаго, о хороших шансах на работу и настоятельно попросив их приехать по указанному адресу. Женщина рассказала ничего не подозревающей девушке, что, прежде всего, новоприбывшая должна зарегистрировать свое место жительства в полиции, поскольку таков закон в Чикаго. Разумеется, ситуация раскрылась, когда женщина отвела ее в полицейский участок. Потребовалось провести небольшое расследование, чтобы выяснить, что девушка едва избежала хорошо организованного заговора и что молодой человек, с которым она была помолвлена, является агентом неблаговидного дома. Мистер Клиффорд Ро энергично взялся за дело, и, хотя все усилия не увенчались успехом, молодой человек был найден, а женщина, которая была его сообщницей, была оштрафована на сто пятьдесят долларов и издержки.

Судебное разбирательство оставило в памяти одно впечатление: все мужчины, участвовавшие в обвинении, испытывали острое чувство негодования по поводу метода, использованного для того, чтобы завладеть девушкой, но считали само собой разумеющимся, что жизнь, которую ей предстояло вести, была в рамках установленного порядка вещей, если она выбрала ее добровольно. Другими словами, если бы усилия агента зашли достаточно далеко, чтобы затронуть ее нравственную природу, девушка, которой, хотя и не было ничего особенного, исполнился двадцать один год, могла бы без всяких проблем продолжать жить отвратительной жизнью. Женщина, против которой было возбуждено дело, была хорошо известна полиции и была оштрафована не за свое повседневное занятие, а за то, что оказалась вовлеченной в межгосударственную торговлю белыми рабами. Одно природное начало искупило вину, ведь девушка страдала от чувства, что ее бросил любовник, гораздо больше, чем от ужаса перед участью, которой она избежала, и она никогда не была полностью уверена в том, что он не был настоящим. Она постоянно утверждала, объясняя его отсутствие, что с ним должен был произойти какой-то несчастный случай. Она чувствовала, что он был ее естественным защитником в этом странном Чикаго, куда она приехала по его приказу, и постоянно возмущалась любыми обвинениями в его мотивах. Предательство ее доверия, игра на ее естественном желании иметь собственный дом были ужасным откровением того, что даже когда эта отвратительная торговля управляется по самым тщательно просчитанным коммерческим принципам, она все равно должна прибегать к использованию древнейших социальных инстинктов в качестве основы своей процедуры.

Этот чикагский полицейский инспектор, чье желание защитить молодых девушек было столь искренним и столь успешным, впоследствии был обвинен большим жюри и отправлен в тюрьму по обвинению в получении "подкупа" от владельцев салунов и неприличных домов в своем районе. Его случай стал драматическим и трагическим примером того положения, в которое попадает полиция в каждом городе. Когда девушка, которой обеспечили жизнь, отказывается от нее, ее спасение представляет собой определенный денежный убыток для агентства, которое ее обеспечило, и вызывает вражду тех, кто рассчитывал получить от нее выгоду. Когда эта враждебность достаточно накопится, действующего чиновника либо "спускает" высшая политическая власть, либо он предстает перед судом за те незаконные действия, которые он разделяет со своими коллегами по службе. Поэтому такого инспектора, как наш, легко заставить страдать за его добродетели, которые носят индивидуальный характер, путем выдвижения обвинений против его привилегий, которые носят общий и почти официальный характер. Пока соблюдаются обычные цены на защиту, никто не чувствует себя ущемленным; но чувства, побуждающие инспектора "встать на сторону девушек" и разрушить бизнес стоимостью в тысячи долларов, неоправданны. Он не придерживается правил игры, и стая разъяренных игроков под крики о "морали" может легко сбить его с ног, а общественность будет довольна тем, что коррупция в полиции была разоблачена, а преступник наказан. И все же сотни девушек, которые не могли быть обнаружены никаким другим способом, были спасены этим человеком в качестве инспектора полиции. С другой стороны, он мало что сделал для привлечения к ответственности лиц, ответственных за обеспечение безопасности девушек, и, спасая жертву, он не вмешивался в источник поставок. Если бы его привлекли к суду за это безразличие, было бы невозможно найти большое жюри, чтобы поддержать обвинение. На самом деле его привлекли к суду потому, что он нарушил подразумеваемый контракт с политиками; он придумал незаконные и пагубные методы для выражения инстинкта защиты молодости и невинности, которым, несомненно, обладает каждый полицейский. Если бы этот инстинкт был освобожден от всякого политического и внеправового контроля, он сам по себе стал бы огромной силой против коммерциализированного порока, который так зависим

от эксплуатации молодых девушек. Однако судьба полиции настолько связана с теми, кто наживается на этой торговле, и с их друзьями, политиками, что самый благонамеренный человек в полиции постоянно оказывается в затруднительном положении. Мне приходит в голову несколько иллюстраций этого. Два года назад, когда в одном из пятицентовых театров были выявлены весьма неблагоприятные обстоятельства, молодой полицейский арестовал его владельца, который впоследствии предстал перед большим жюри, был обвинен и выпущен под залог в девять тысяч долларов. Преступление было чудовищным, в результате него погибли четырнадцать маленьких девочек; но на владельца, который был родственником республиканского комитета своего округа, было оказано такое большое политическое влияние, что, хотя лицензия театра была немедленно отозвана, она была вновь выдана его жене в течение нескольких дней, а сам он продолжал оставаться угрозой для общества. Когда молодой полицейский, произведший арест, увидел его в районе театра, разговаривающим с маленькими девочками, и доложил о нем, офицер был сурово наказан высшим республиканским руководством города. Он получил выговор за свою деятельность и распоряжение перевести его на скотопригонные склады, расположенные в одиннадцати милях от города. Полицейский прекрасно понимал, что это лишь первый шаг в процессе, называемом "ломкой"; что после того, как он перевезет свою семью на склад, через несколько недель его переведут в другое место, и что эта смена участков будет продолжаться до тех пор, пока он наконец не будет вынужден уволиться из полиции. Его проступок, как ему прямо сказали, заключался в том, что он не знал, что театр находится под политической защитой. Короче говоря, молодой офицер по наивности взялся служить обществу, не дожидаясь указаний от политического начальства.

Вопиющий пример сговора полиции с пороком приводит окружной прокурор Соединенных Штатов Симс, который недавно призвал полицию Чикаго произвести двадцать четыре ареста от имени правительства Соединенных Штатов за нарушение закона о белых рабах, когда все подлежащие аресту люди покинули город через два часа после выдачи ордеров. Цитируя мистера Симса: "Мы отправили сотрудников секретной службы, которые работали в связке с полицией, обратно в Вашингтон и привезли свежие силы. Эти люди не работали с полицией, и в течение двух недель после того, как первая группа сотрудников секретной службы покинула Чикаго, нужные нам люди вернулись в город, и без помощи городской полиции мы арестовали их всех".

Когда юридический контроль над коммерциализированным пороком таким образом связан с городской политикой, функции полиции становятся законодательными, исполнительными и судебными в отношении уличных приставаний: в некотором смысле они также обладают лицензионной властью, поскольку именно они определяют количество женщин, которым разрешено заниматься своим ремеслом на улице. Некоторые из этих женщин - молодые земляне, надеющиеся заработать деньги на желанную одежду или удовольствия. Другие - отчаявшиеся существа, делающие последнюю попытку перед тем, как попасть в государственную больницу и встретить жалкий конец; но гораздо большее число женщин отправляется на улицу под защиту мужчин, которые наживаются на их доходах, или же их используют для обеспечения покровительства в неблагоприятных домах. Полиция относится к последним "как к постоянным", и, хотя никаких авторитетных приказов никогда не отдается, патрульные понимают, что они находятся под защитой. С другой стороны, "бродяжка" может быть арестована любым полицейским по своему усмотрению, и на нее налагается штраф по его ничем не подкрепленному слову. В любом случае полиция рассматривает всех таких женщин как буквально "брошенных", лишенных обычных прав, обязанных жить в определенных местах и подвергающихся такому посягательству на их личные свободы, которое не потерпит ни один другой класс граждан.

Недавнее учреждение "Ночного суда" в Нью-Йорке свидетельствует о прогрессе в обращении с этими несчастными женщинами. Общественность не только постепенно узнает о том, как с ними обращаются, но и предпринимает некоторые попытки дискриминации между первыми преступницами и теми, кто ожесточился в результате долгой практики в этой самой отвратительной профессии. Более того, система условного осуждения взрослых постепенно заменяется системой штрафов, которые в настоящее время взимаются таким образом, что фактически представляют собой лицензию и партнерство с полицейским департаментом.

Хотя нельзя сказать, что американские города приняли политику подавления или регулирования, поскольку полиция считает первое невыполнимым, а второе - нетерпимым для общественного мнения, мы, возможно, можем требовать от Америки немного больше гуманности в обращении с этим классом женщин, немного меньше безжалостности, чем та, которую демонстрируют континентальные города, где неукоснительно соблюдается режим.

Присутствие таких женщин на улицах, пожалуй, одно из самых деморализующих влияний, которое можно найти в большом городе, и такие энергичные усилия, как недавно предпринял бывший начальник полиции Чикаго, когда он успешно очистил улицы от их присутствия, показывают, что законное пресечение возможно. По крайней мере, этого очевидного соблазна для юношей и мальчиков, празднично гуляющих по улицам, можно было бы избежать, ведь в старой формуле одна такая женщина "повергла многих раненых; да, многие сильные мужчины были убиты ею". Если бы улицы были чистыми, многие молодые девушки были бы избавлены от осознания того, что перед ними открыт такой способ заработка. Я лично знаю несколько случаев, когда молодые девушки начинали заниматься уличным попрошайничеством, просто подражая. Молодая полька оказалась в тяжелом положении после смерти матери. Ее единственные друзья в Америке переехали в Нью-Йорк, она влезла в долги на похороны матери, а так как в это время был сезон затишья в жалкой потогонной швейной мастерской, которой она занималась, она не могла найти работу. Однажды вечером, когда она совсем отчаялась от голода, она остановила на улице нескольких мужчин, как она видела это у других девушек, и на своем ломаном английском попросила у них что-нибудь поесть. Только после того, как молодой человек угостил ее хорошим обедом в ресторане, она поняла, какую цену ей придется заплатить и какие ужасные вещи делали другие девушки. Даже в своем потрясенном бунте она, конечно, не могла понять, что сама олицетворяет тот отвратительный выбор между голодом и пороком, который, возможно, является венцом позора цивилизации.

Законодательное пресечение уличного приставания не только защитит девочек, но и значительно снизит риск и соблазн для мальчиков. Вся система вербовки в коммерческий порок в значительной степени зависит от мальчиков, которые являются не меньшими жертвами этой системы, чем сами девочки. Безусловно, этот аспект ситуации должен быть серьезно рассмотрен.

В 1908 году, когда мистер Клиффорд Роу провел успешные судебные процессы против ста пятидесяти таких неблагоприятных молодых людей в Чикаго, почти все они были местными мальчиками, которые использовали свое личное знакомство, чтобы найти себе жертву. Случайное знакомство с одним из этих мальчиков, родившимся в районе Халл-Хаус, заставило меня задуматься о том, насколько общество может быть ответственно за этих несчастных парней, многие из которых начинают порочную карьеру, когда им всего пятнадцать или шестнадцать лет. Поскольку для этой профессии постоянно требуются совсем юные девушки, сводники прибегают к помощи незрелых мальчиков, ведь в этой игре, как ни в какой другой, "юность зовет юность". Профессиональный сводник часто

подстрекает такого мальчика погубить молодую девушку, потому что положение последнего гораздо безопаснее, если характер девушки будет очернен до того, как он ее продаст, и если он сам не будет замешан в ее падении. Таким образом, он не выходит за рамки закона, а когда он еще более осторожен, то побуждает парня пройти через церемонию законного брака, обещая ему процент от первого заработка его жены.

Только вчера я получил письмо от молодого человека, которого я знал с раннего детства, написанное в тюрьме штата, где он отбывает пожизненное заключение. Его отец был пьяницей, но его мать была прекрасной женщиной, преданной своим детям, и она терпеливо содержала своего сына Джима до самого его школьного возраста. Во время суда над ним она заложила все свое имущество и заложила мебель, чтобы получить триста долларов на адвоката. Хотя Джим обычно вел жизнь бездельника и никогда не поддерживал свою мать, он был нежно предан ей и всегда был добр и добродушен. Возможно, именно потому, что он так долго зависел от самоотверженной женщины, ему стало легко зависеть от своей жены - девушки, с которой он познакомился, когда временно работал носильщиком в неприличной гостинице. Благодаря долгому знакомству с пороком и тому, что многие из его товарищей привыкли жить на заработки "своих девочек", он легко согласился, чтобы его жена продолжала жить, и постоянно принимал деньги, которые она охотно ему давала. После женитьбы он по-прежнему жил в доме матери и отказывался брать у нее деньги, но она и понятия не имела об источнике его доходов. Однажды он, как обычно, зашел в гостиницу, чтобы узнать, сколько зарабатывает его жена, и, поссорившись из-за суммы с хозяйкой дома, достал револьвер и убил ее. Несмотря на то, что в ходе судебного разбирательства была выдвинута версия о самообороне, его отвратительный образ жизни настолько возмутил и судью, и присяжных, что он получил максимальный срок. Его мать до сих пор настаивает на том, что он искренне любил девушку, на которой так импульсивно женился, и что он постоянно пытался отговорить ее от порочной жизни. Безусловно, и жена, и мать Джима искренне сожалеют о его судьбе и о том, что в какой-то мере образовательные и социальные ресурсы города, где он родился, не смогли защитить его от собственных низменных побуждений и от дурного общества, влиянию которого он не смог противостоять. Он всего лишь один из тысяч слабых мальчиков, которых постоянно используют для снабжения белых работяг молодыми девушками, поскольку, по оценкам, в любой момент времени большинство девушек, используемых в торговле, моложе двадцати лет, и большинство из них были приобретены в более молодом возрасте. Нельзя полагать, что все молодые люди, которых нанимают для соблазнения и соращения девушек, - это юные изверги, деградирующие от рождения; большинство из них - просто безработные мальчишки, слоняющиеся по улицам, которые с готовностью поддаются на эти низменные требования, потому что ничего другого им не предлагают.

Все последние исследования, безусловно, показали, что основная часть всего трафика осуществляется с молодежью общества, и что это социальное зло, пусть и древнее, должно быть возобновлено в нашем поколении через его молодых членов. Знание о молодости жертв, несомненно, в какой-то мере объясняет новое чувство сострадания, которое наполняет общество.

ГЛАВА III

УЛУЧШЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ

Из недавних откровений о торговле белыми рабынями можно извлечь некоторое утешение, если вспомнить, что в настоящее время, в условиях такой свободы, какая никогда не предоставлялась молодым женщинам в мировой истории, в условиях экономического давления, обрушивающегося на работающую девушку в том самом возрасте, когда она больше всего желает, чтобы о ней заботились, необходимо организовать широкомасштабное коммерческое предприятие, чтобы получить достаточное количество девушек для рынка белых рабынь.

Конечно, большая свобода, предоставляемая женщине нашими меняющимися социальными обычаями, и феноменальное количество молодых девушек, используемых современной промышленностью, в сочетании с отсутствием предложения, казалось бы, показывают, что целомудрие женщин сохраняется в этой медленно развивающейся цивилизации, которая все больше требует самоконтроля и сознательного руководства со стороны людей, живущих в ней.

Последовательные отчеты переписи населения Соединенных Штатов показывают, что число девушек, самостоятельно обеспечивающих себя, неуклонно растет с каждым десятилетием, пока 59 процентов всех молодых женщин страны в возрасте от шестнадцати до двадцати лет не заняты каким-либо полезным делом. Год за годом, по мере того как эти цифры растут, общество смотрит на них с благодушием, почти с гордостью, и уверенно полагает, что внутренняя сдержанность и воспитание этой девичьей толпы защитят его от катастрофы. Тем не менее, общество совершенно не в состоянии определить, в какой момент эти меры предосторожности, выработанные в прежних промышленных условиях, могут достичь точки разрыва, причем не из-за экономической свободы, а из-за неблагоприятных экономических условий.

Впервые в истории множество женщин трудятся без непосредственного стимула в виде семейных интересов или привязанности, они также не могут соразмерять часы работы и промежутки отдыха в соответствии со своими силами; кроме того, для тысяч из них усилия по добыванию средств к существованию практически затмевают сам смысл жизни. В настоящее время никто из изучающих современные промышленные условия не может утверждать, в какой степени превосходное целомудрие женщины, так жестко поддерживаемое на протяжении веков, было результатом ее домашнего окружения, и, конечно, никто не знает, под каким экономическим давлением старые ограничения могут сдаться.

Помимо монотонности работы и долгих часов, небольшая зарплата, которую получают эти девушки, никак не соотносится с уровнем жизни, который они пытаются поддерживать. Удрученные и изможденные, они часто оказываются в резком контрасте с женщинами, которые получают гораздо большие доходы от своего незаконного ремесла. Общество также рискует заработать на добродетельной девушке гораздо меньше, чем на той, которая поддавалась искушению, и оно вполне может считать себя ответственным за то шаткое положение, в которое из года в год попадает множество хрупких девушек.

Очень ценный отчет, недавно выпущенный комиссией по делам нравов Чикаго, не оставляет места для сомнений в этом вопросе. Согласно отчету, ежегодная прибыль от этого гнусного бизнеса в Чикаго составляет от пятнадцати до шестнадцати миллионов долларов. Хотя эти

огромные доходы в основном достаются мужчинам, которые занимаются проституцией, в докладе подчеркивается тот факт, что средняя девушка зарабатывает на такой жизни гораздо больше, чем она может надеяться заработать любым честным трудом. В нем отмечается, что капитализированная стоимость средней работающей девушки составляет шесть тысяч долларов, поскольку она обычно зарабатывает шесть долларов в неделю, что составляет триста долларов в год, или пять процентов от этой суммы. Девушка, продающая напитки в неприличном салуне, зарабатывающая на комиссионных двадцать один доллар в неделю, капитализируется в размере двадцати двух тысяч долларов. Далее в отчете подсчитано, что средняя девушка, которая вступает в незаконную жизнь под началом протектора или менеджера, способна зарабатывать двадцать пять долларов в неделю, что представляет собой капитал в двадцать шесть тысяч долларов. Другими словами, девушка в такой жизни "зарабатывает в четыре с лишним раза больше, чем она стоит как фактор социальной и промышленной экономики, где ум, интеллект, добродетель и женское обаяние должны приносить прибыль". Аргумент нелепый, поскольку в нем не учитывается экономическая ценность многих последующих лет, в течение которых честная девушка будет жить как жена и мать, в отличие от преждевременной смерти женщины, занимающейся незаконной торговлей, но сама девушка видит только разницу в возможностях немедленного заработка в этих двух ситуациях.

Тем не менее предложение девушек для белой работоторговли настолько отстаёт от спроса, что по всему миру создаются крупные коммерческие предприятия, чтобы обеспечить достаточное количество жертв для этого современного рынка. Снова и снова в ходе уголовных процессов против мужчин, вовлеченных в этот трафик, на вопрос об их мотивах они отвечали просто: "Нужно больше девушек", и что им "обещали за них большие деньги". Хотя экономическое давление как причина вступления в незаконную жизнь, таким образом, было доказано в суде в удивительном количестве случаев, несомненно, что оно часто преувеличивается; девушка всегда предпочитает думать, что экономическое давление является причиной ее падения, даже если непосредственными причинами были ее любовь к удовольствиям, стремление к нарядам или влияние дурных компаньонов. Ее, как и всех нас, легко обмануть относительно истинных мотивов. К тому же несчастная девушка, вступившая на путь незаконной жизни, переживает столь ужасные ощущения, что изо дня в день пытается оправдать себя тем, что заработанные ею деньги нужны для содержания кого-то, кто находится на ее иждивении, и таким образом следует привычкам, заложенным поколениями добродетельных женщин, заботившихся о немощных людях. Я знаю одну такую девушку, живущую в неприличном доме в Чикаго, которая усыновила нежного ребенка, страдающего искривлением позвоночника, которого она размещает у уважаемых людей и держит в течение многих недель из каждого года в дорогом санатории, чтобы он мог получить медицинское лечение. Мать ребенка, обительница дома, в котором живет сама ревностная приемная мать, совершенно равнодушна к его благополучию, а также весьма забавляется такой заботой. Девушка продолжает свой курс уже пять лет, никогда не позволяя маленькому инвалиду приходить в дом, где живут они с матерью. Такую же преданность и самопожертвование она часто выливает на несчастного мужчину, который изначально был ответственен за вступление девушки в жизнь и постоянно получает ее заработок. Она поддерживает его в роскошной жизни, которую он, возможно, ведет в другом районе города, почти по-матерински гордится его хорошей одеждой и общим благосостоянием и считает его единственным человеком на свете, который понимает ее бедственное положение.

Однако большинство случаев экономической ответственности объясняется не рыцарской преданностью, а желанием выполнить семейные обязательства, с которыми согласилась бы

любая добросовестная девушка. Это отчетливо проявилось в беседах, которые недавно состоялись с тридцатью четырьмя девушками, одновременно проживавшими в доме спасения, когда двадцать две из них назвали экономическое давление причиной выбора жизни, от которой они так недавно отказались. Одна маленькая жалкая вдова семнадцати лет содержала своего ребенка и смогла оставить прежнюю жизнь только потому, что ее замужняя сестра предложила заботиться о ребенке без денег, которые ей раньше платили. Другая девушка содержала свою мать, и только после ее недавней смерти была уверена, что сможет жить честно, потому что ей нужно было заботиться только о себе.

Следующая история, довольно типичная для двадцати двух, связанных с экономическими причинами, рассказывает о девушке, которая приехала в Чикаго в возрасте пятнадцати лет из маленького городка в Индиане. Ее отец был слишком стар, чтобы работать, а мать - инвалидом на иждивении. Брат, который заботился о родителях, с помощью скудных заработков девушки, получаемых в сельском магазине маленького городка, заболел ревматизмом. Желая заработать побольше денег, деревенская девушка отправилась в ближайший крупный город, Чикаго, чтобы работать в универмаге. Самая высокая зарплата, которую она могла получить, несмотря на то что носила длинные платья и называла себя "опытной", составляла пять долларов в неделю. Этой суммы, конечно, не хватало даже на собственные нужды, и ее постоянно терзала тревога за "родных". В один из моментов паники "мудрый" коллега-клерк подсказал ей, что можно увеличить свой заработок, назначая встречи за деньги в полуденный час в отелях в центре города. Заработав таким образом несколько месяцев, девушка договорилась с пожилой женщиной, чтобы та дежурила по вечерам, когда ее вызовут по телефону, и таким образом присоединилась к большой подпольной группе внешне респектабельных девушек, большинство из которых поддаются искушению только тогда, когда на них давит долг, возникший во время болезни или безработицы, или когда они сталкиваются с какой-то насущной необходимостью. Эта практика стала настолько распространенной в крупных американских городах, что приобрела систематический характер. Это, пожалуй, самый зловещий результат экономического давления, если не брать в расчет его следствие - состояние тысяч молодых людей, чьи низкие зарплаты так жестоко и неоправданно откладывают их браки. Долгое время молодая продавщица сохраняла свою должность в универмаге, оставляя честный заработок себе, а все остальное отправляя семье. Однако в конце концов она перешла от подпольной жизни к открыто профессиональной, когда ей понадобилось достаточно денег, чтобы отправить брата в Хот-Спрингс, штат Арканзас, где она содержала его в течение года. Она объяснила, что, поскольку он теперь восстановил здоровье и мог снова содержать семью, она оставила эту жизнь "на веки вечные", рассчитывая вернуться в свой дом в Индиане. Она подозревала, что брат знает о ее переживаниях, хотя была уверена, что родители не знают, и надеялась, что, поскольку ей еще не семнадцать, она сможет начать жизнь с чистого листа. К счастью, бедное дитя не знало, как трудно это будет сделать.

Пожалуй, именно в универмаге больше, чем где-либо еще, выявляются и используются все возможные слабости девушки. И хотя верно, что "везде, где собирается много девушек, более или менее незащищенных и вовлеченных в борьбу за средства к существованию, поблизости крутятся сводники и злопыхатели", ни в одно другое место работы нет такого легкого доступа, как в универмаг. На фабрике или в офисе не принимают посетителей, если у них нет определенных дел, в то время как в универмаге рады любому покупателю, и даже с печально известной женщиной, представляющей демисезонную торговлю, обращаются с подчеркнутой вежливостью, если она тратит большие суммы денег. Главная опасность кроется в том, что симпатичные продавщицы так легко доступны. Неприличный молодой человек постоянно входит и выходит, делая небольшие покупки у каждой хорошенькой

девушки, открывая знакомство комплиментарными замечаниями; или закупщица, модно одетая женщина, покупает одежду в больших количествах, иногда для молодой девушки рядом с ней, якобы ее дочери. Она соболезнует продавщице по поводу ее тяжелой судьбы и отсутствия удовольствий и в роли доброй, преуспевающей матроны приглашает ее к себе домой, чтобы хорошо провести время. Иногда девушка подвергается искушению через мужчин и женщин из ее собственного отдела, которые рассказывают ей, как можно получить приглашения на ужины и в театры. Неудивительно, что многие из этих молодых, неопытных девушек оказываются обманутыми или поддаются искушению, несмотря на усилия, предпринимаемые для их защиты руководством и старшими женщинами в заведении.

В универмаге, как никогда ранее в истории, собрана воедино ошеломляющая масса тонких и красивых тканей, ювелирных украшений и предметов домашнего обихода, столь желанных для женщин, искусно собранных со всех концов света, и посреди этой массы желанных вещей помещена необученная девушка с тщательными инструкциями по ведению продаж, но без каких-либо указаний относительно себя. Такая девушка может быть горько одинока, но от нее ожидают, что она будет приветливо улыбаться весь день толпе меняющихся покупателей. У нее может не быть подходящей одежды, хотя она стоит в торговом зале, где она навалена буквально до головы. Она может падать в обморок от нехватки еды, но не может сесть, чтобы не занять "позицию инертности и безразличия", что противоречит правилам. У нее может быть огромное желание иметь красивые вещи, но она должна продавать их другим людям по крайней мере в двадцать пять раз больше, чем ее собственная зарплата, иначе ее не оставят. Поскольку она принадлежит к первому поколению девушек, стоящих в одиночестве посреди торговли, она цепкая и робкая, и единственный человек, мужчина или женщина, в этой коммерческой атмосфере, который говорит ей о заботе и защите, которых она жаждет, стремится предать ее. Поскольку она молода и женственна, ее мысли втайне устремлены к будущему возлюбленному, к дому, украшенному самыми соблазнительными предметами домашнего обихода, к ребенку, одетому в пленочные ткани, к которым она нежно прикасается, и все же единственный мужчина, который приближается к ней, зная об этой ее внутренней жизни, делает это с прямым намерением сыграть на ней, чтобы опустошить ее. Стоит ли удивляться, что средняя человеческая природа этих молодых девушек во многих случаях не может выдержать такого напряжения? Из пятнадцати тысяч женщин, работающих в чикагских универмагах в центре города, большинство - американки. Мы все знаем, что американская девушка выросла в убеждении, что мир принадлежит ей, и она может выбирать, что обычно нет предела ее амбициям или ее определению успеха. Она осознает, что хорошо воспитана и хорошо одета и не похожа на большинство своих клиентов. Она видит только один аспект своих соотечественниц, которые приходят за покупками, и вполне может считать, что главная забота в жизни - это модная одежда. Ее интересы и амбиции почти неизбежно становятся глубоко мирскими, и того факта, что она работает в городе, она получает преувеличенное представление о роскоши незаконной жизни, которая вокруг нее едва скрывается.

В пятом томе отчета "Женщины и дети, получающие заработную плату" в Соединенных Штатах приводится результат тщательного исследования "связи заработной платы с моральным состоянием женщин универмагов". В связи с этим исследователи собрали "личные истории ста аморальных женщин", десять из которых работали или работали в универмаге. Они обнаружили, что, хотя только одна из этих десяти женщин была непосредственно побуждена уйти из магазина в неблаговидную жизнь, шесть из них сказали, что "так легче зарабатывать деньги". В отчете говорится, что средний работник универмага зарабатывает около семи долларов в неделю, а средний доход ста аморальных женщин, о которых говорится в личных историях, варьировался от пятидесяти долларов в

неделю до ста долларов в неделю в исключительных случаях. Именно об этих исключительных случаях слышит продавщица универмага, и это знание становится частью нереальности и блестящей жизни, которая окружает ее.

Другой класс молодых женщин, которые особенно подвержены этому заманчивому знанию, - официантки в городских кафе и ресторанах. В недавнем исследовании, проведенном среди девушек в сегрегированном районе соседнего города, официантки в ресторанах и отелях занимают первое место в списке "прежних профессий". Многим официанткам платят так мало, что они с благодарностью принимают любую плату, которую им предлагают мужчины. Кроме того, клиенты имеют обыкновение вступать в непринужденную беседу, пока их обслуживают. Некоторые из них - одинокие молодые люди, у которых мало возможностей пообщаться с женщинами. Девушка часто совершенно невинно принимает приглашение на вечер, проведенный в театре или танцевальном зале, и не получает никаких плохих результатов, но именно это отсутствие социальных условностей подвергает ее опасности. Даже если владелец хочет защитить девушек, приходится терпеть определенную долю фамильярности, чтобы их недовольство не уменьшило покровительство кафе. Кроме того, в некоторых ресторанах официантки, несомненно, страдают от того, что посетители сравнивают их с девушками, которые под видом разносчиц напитков промышляют в неприличных салунах.

Следующая история показывает, что простое дружеское расположение может представлять опасность. Прошлым летом честная, прямолинейная девушка из маленького озерного городка на севере Мичигана работала в чикагском кафе, каждую неделю отсылая больше половины своей зарплаты в семь долларов матери и младшей сестре, больной туберкулезом, домой. Мать владела маленьким домиком, в котором жила, но за исключением овощей, которые она выращивала на собственном огороде, и случайной платы за простое шитье, она и ее младшая дочь зависели от трудолюбивой девушки в Чикаго. Сердце девушки становилось тяжелее с каждой неделей, когда в письмах матери сообщалось, что сестра с каждым днем слабеет. В один жаркий августовский день она получила письмо от матери, в котором та просила ее немедленно приехать, если она "хочет увидеть сестру перед смертью". В полдень того же дня, когда ее тошнило от жаркого воздуха кафе, а звон посуды, шум разговоров, выкрикиваемые через горку заказы казались лишь отвратительным аккомпанементом к ее мучительным мыслям, она вдруг с ужасом услышала название родного города и поняла, что один из ее постоянных посетителей говорит ей, что собирается сестра на ночной пароход до М. в 8 часов и уехать из этой "адской жары". Почти непроизвольно она спросила его, не возьмет ли он ее с собой. И хотя уже в следующее мгновение она поняла, что означает его согласие, она не выдала своего испуга, а лишь оговорила, что если она поедет с ним, то он должен согласиться купить ей обратный билет. Она добралась до дома за двенадцать часов до смерти сестры, а когда через неделю вернулась в Чикаго, обремененная долгом по счету гробовщика, поняла, что нашла способ расплатиться.

Все девушки, работающие в городе, находятся в невыгодном положении по сравнению с фабричными девушками, которые гораздо меньше подвержены прямому побуждению и соблазнам, возникающим подражания. Фабричные девушки также защищены тем, что работают среди простых людей, которые откровенно обозначают нерегулярную жизнь, выражаясь грубыми, старомодными терминами. Если фабричная девушка вообще видит порочную жизнь, она видит ее несчастные жертвы во всей убогости и гнусности их ремесла в бедных районах города. Проходя мимо распахнутых дверей неприглядного салуна, она может на мгновение увидеть трех или четырех вялых девиц, угощающих спиртным мужчин,

уставших от долгого рабочего дня и уже одурманенных выпивкой. Проходя дождливой ночью по улице, она может услышать резкий крик боли больной девушки, которой грубый мужчина жестоко выкручивает руку, а если она остановится на мгновение, то уловит его бормочущие угрозы в ответ на мольбы девушки, "что сегодня слишком плохая ночь для работы на улице". Она видит, как проходящий мимо полицейский пожимает плечами, переходя улицу, и смутно догадывается, что больная девочка оказалась вне защиты закона и что грубиян договорился с дежурным. Ей говорили, что некоторые улицы "не респектабельны", но при беглом взгляде на одну из них она обнаруживает лишь унылые и неприглядные дома, из которых давно исчезло всякое представление о домашнем уюте; Неряшливая женщина со впалыми глазами и изможденным лицом, держащая на руках раскачивающуюся массу пьяного мужчины, - вот и все, что она видит среди ее "обитателей", хотя, возможно, она знала соседскую дочь, которая вернулась домой, чтобы умереть от загадочной болезни, считавшейся результатом "быстрой жизни", и чья опозоренная мать "никогда больше не держала голову на плечах".

И все же, несмотря на все эти корректирующие знания, возрастающая нервная энергия, к которой ежедневно приспособляются промышленные процессы, и ускорение, постоянно требуемое от операторов, могут в любой момент так отразиться на нервной системе фабричной девушки, что она перестанет сопротивляться. Многие работницы в конце дня настолько истеричны и перевозбуждены, что их душевное равновесие явно нарушено. Сотни работниц сразу же ложатся спать, как только поужинают. Они слишком устали, чтобы отправиться из дома на отдых, слишком устали, чтобы читать, и часто слишком устали, чтобы спать. Недавно одна гуманная бригадирша сказала мне, оглядывая длинную комнату, в которой стояли сотни молодых женщин, многие из которых лежали в обуви: "Мне противно думать о том, как болят ноги на этом этаже; у всех этих девушек проблемы с ногами, некоторые из них проводят весь вечер, купая их в горячей воде". Но больные ноги - не более обычное явление, чем больные спины и больные головы. Изучение промышленных заболеваний началось федеральными властями только в этом году, и, несомненно, по мере того как будет становиться все больше известно о нервных и психических последствиях переутомления, многие моральные срывы будут связаны именно с этим источником. Уже сейчас легко установить связь в определенных случаях: "Я слишком устала, чтобы заботиться", "Я слишком устала, чтобы понимать, что делаю", "Я смертельно устала и устала от всего этого", "Я устала, как собака, и просто пошла с ним" - эти фразы срываются с уст безрассудных девушек, которые пытаются объяснить ситуацию, в которой они оказались.

Законы, ограничивающие продолжительность рабочего дня женщин, принимаются медленно, однако в исчерпывающей справке, представленной в Верховный суд США по поводу конституционности закона о десятичасовом рабочем дне для женщин в штате Орегон, в качестве аргумента приводились результаты переутомления, влияющие на здоровье женщин, причем серьезное медицинское заключение постоянно перебивалось изображением катастрофических последствий переутомления для характера. Пока еще трудно провести различие между результатами долгой работы и результатами переутомления. Безусловно, постоянное ощущение спешки - одно из самых нервных и изнурительных испытаний, которым может подвергнуться человеческая система. Девушки, работающие в швейной промышленности, чьи матери вдевают им иголки далеко за полночь, чтобы они могли шить без перерыва в течение следующего дня; девушки, вставляющие люверсы в обувь, за что им платят по два цента за ящик, каждый из которых содержит двадцать четыре пары обуви, являются поразительными жертвами чрезмерного ускорения, которое так характерно для всей нашей фабричной системы.

Девушки, работающие на фабриках и в прачечных, также подвержены несчастным случаям. Потеря двух пальцев на правой руке или перелом запястья могут лишить операторшу права продолжать заниматься единственным делом, в котором она искусна, и еще больше усложнить ее борьбу за респектабельность. Варикозное расширение вен и переломы сводов стоп встречаются в каждой профессии, где женщинам приходится часами стоять на ногах, но в любой момент любое из этих заболеваний может перерасти в инвалидность, не ограничиваясь лишь болезненными симптомами. Одна из таких девушек, недавно возвращавшаяся домой после долгого рабочего дня, намеренно села на пол в переполненном вагоне, демонстративно объяснив кондуктору и недоумевающим пассажирам, что "ее ноги не выдержат больше ни минуты". Молодая женщина, которая только прошлым летом сломала руку в каландре, в январе была найдена в доме спасения, объяснив свой недавний опыт фразой, что она "была на грани, когда выходила из больницы в октябре".

Несмотря на множество подобных душераздирающих случаев, движение за защиту оборудования и возмещение ущерба от несчастных случаев на производстве идет слишком медленно. На недавней выставке в Бостоне нож миниатюрной гильотины падал каждые десять секунд, чтобы показать уровень несчастных случаев на производстве в Соединенных Штатах. Как бы ни было ужасно это устройство, его отвратительность вполне могла бы быть увеличена, если бы оно могло продемонстрировать связь между некоторыми из этих несчастных случаев и полной моральной катастрофой, постигшей их жертв.

И все же фабричные девушки, подвергающиеся таким перегрузкам и сверхурочной работе, часто испытывают сильнейшее разочарование от того, что после всех своих усилий они зарабатывают слишком мало, чтобы содержать себя. Одна девушка рассказала, что впервые поддалась искушению, когда совершенно отчаялась из-за того, что в течение семи месяцев тщетно пыталась накопить достаточно денег на пару туфель. Она привыкла тратить два доллара в неделю на комнату, три доллара на питание и шестьдесят центов в неделю на проезд, а сорока центов, остававшихся от ее еженедельной зарплаты в шесть долларов, не хватало, чтобы сделать больше, чем дважды переобуть старые туфли. Когда туфли стали слишком изношенными, чтобы выдержать третью подошву, а на новую пару у нее оставалось всего девяносто центов, она отказалась от борьбы; по ее собственному презрительному выражению, она "продалась за пару туфель".

Обычно фразы не так выразительны, но, в конце концов, в них заложен тот же тоскливый смысл: "Не могла свести концы с концами", "Я всегда привыкла иметь хорошие вещи", "Не могла заработать достаточно денег, чтобы жить", "Я заболела и отстала", "Нужно было больше денег", "Невозможно прокормить и одеть себя", "Не работала, не могла накопить". Конечно, девушка, оказавшаяся в таком затруднительном положении, не идет специально искать незаконные способы заработка, она просто поддается в момент крайней усталости и уныния тем соблазнам, которые ей удавалось выдержать до этого момента. Долгие часы работы, отсутствие удобств, низкая зарплата, отсутствие отдыха, ощущение "хорошего времени", которое она не может разделить, убеждение, что она стремительно теряет здоровье и обаяние, - все это пробуждает в ней расплавленные силы. Нахлынувшая волна жалости к себе внезапно штурмует державшие ее до сих пор берега и в конце концов преодолевает инстинкты порядочности и праведности, а также привычку к чистоплотной жизни, заложенную поколениями ее предшественников.

Афоризм о том, что "нравы колеблются в зависимости от торговли", долгое время считался циничным, но в Берлине, в Лондоне, в Японии, а также в ряде американских городов было доказано, что в периоды финансовой депрессии и даже в период застоя на ведущих предприятиях местной промышленности количество зарегистрированных проституток заметно увеличивается. Исходя из собственного опыта, я готов утверждать, что очень часто все, что необходимо для эффективной помощи девушке, находящейся на грани греха, - это одолжить ей денег на питание, пока она не найдет работу, предоставить необходимую одежду, в которой она так отчаянно нуждается, убедить ее родственников, что у нее должно быть больше денег на собственные расходы, или найти ей другое место с более высокой зарплатой. От таких простых экономических потребностей порой зависит испытанная добродетель хорошей девушки.

И здесь девушка-иммигрантка снова оказывается в невыгодном положении. Средняя зарплата двухсот новоприбывших девушек разных национальностей - полячек, итальянок, словачек, богемы, русских, галатеек, хорваток, литовок, румынок, немцев и шведок, опрошенных Лигой защиты иммигрантов, - составляла четыре доллара с половиной в неделю за первое место, которое им удалось получить в Чикаго. Часто девушке требуется несколько недель, чтобы найти свое первое место. В этот период поиска работы девушка-иммигрантка подвергается большим опасностям. Именно в такие моменты у иммигрантов часто проявляются симптомы того типа расстройства психики, который, по мнению алиенистов, "вызван конфликтом из-за плохой адаптации". Я знал нескольких юношей и девушек-иммигрантов, которые стали ненормальными в первый год жизни в Америке. Молодой русский, приехавший в Чикаго в надежде получить свободу и саморазвитие, в которых ему было отказано на родине, после трех месяцев горького разочарования, без работы и с недостаточным питанием был отправлен в больницу для умалишенных. Он выздоровел только после того, как группа его молодых соотечественников преданно навещала его каждую неделю, обещая работу, и это общение, наконец, создало ощущение непрерывной связи. Я также вспоминаю польскую девушку, которая после нескольких недель бессонницы и тревоги совершенно обезумела, потому что не могла вернуть пятьдесят долларов, которые она одолжила у своего соотечественника в Чикаго, чтобы привезти сестру в Америку. Ее случай был признан безнадежным, но когда кредитор нанес пациентке ободряющие визиты, она начала поправляться и теперь, пять лет спустя, не только свободна от долгов, но и перевезла к себе остальных членов семьи, чей совместный заработок постепенно оплачивает дом и участок. Психиатрия демонстрирует последствия страха для детской психики, но еще мало что сделано для того, чтобы показать, насколько этот страх перед будущим, возникающий из-за экономической незащищенности в условиях нового окружения, провоцирует безумие у новоприбывших иммигрантов. Такое состояние нервного недоумения и испуга, дополненное чувством ожидания, которое молодежь всегда несет с собой в новое окружение, часто позволяет легко использовать добродетель девушки-иммигрантки. Само собой разумеется, что почти всегда ее эксплуатируют в промышленных масштабах. Недавно одна русская девушка устроилась на чикагскую швейную фабрику за двадцать центов в день, ничуть не подозревая, что снижает заработную плату даже в этой низкооплачиваемой отрасли. Эта девушка снимала комнату за доллар в неделю, а все, что ей приходилось есть, давала ей подруга из того же ночлежного дома, которая делилась с новенькой своим скудным рационом.

В швейной промышленности профсоюзное движение уже установило минимальный предел заработной платы для тысяч женщин, которые получают защиту и дисциплину от профсоюзной организации и откликаются на тонизирующее средство самопомощи. Низкие зарплаты, несомненно, со временем будут изменены Советами по минимальной заработной

плате, представляющими интересы правительства в промышленности, такими, которые успешно действовали в течение многих лет в некоторых британских колониях и сейчас создаются в самой Англии. Пока Массачусетс - единственный штат, который назначил специальную комиссию для рассмотрения вопроса о создании такой комиссии в Америке, хотя Промышленная комиссия Висконсина уполномочена исследовать заработную плату и ее влияние на уровень жизни.

Каждый, кто жил среди работающих людей, был удивлен тем, с какой покорностью взрослые дети отдают все свои доходы родителям. Это, конечно, особенно касается дочерей. В пятом томе правительственного отчета "Женщины и дети, получающие заработную плату в Соединенных Штатах", который цитировался ранее, приводится восемьдесят четыре процента работающих девушек, которые отдают всю свою зарплату в семейный фонд. В большинстве случаев это делается добровольно и с радостью, но во многих случаях создается впечатление, что традиция зависимости женщины от семьи сохраняется долгое время после изменения фактической ситуации, или что тирания, установленная поколениями, когда дочерей можно было голодом заставить подчиниться воле отца, сохраняется даже после того, как роли изменились, и заработки девочки поддерживают сломленного и беспутного отца.

Чрезмерно сдержанная девушка, от которой так много требуют, иногда начинает обманывать свою семью, не сообщая ей о повышении зарплаты. Она привычно оставляет лишнюю сумму себе, как и любую сверхурочную плату, которую может получить. Все эти деньги она неизменно тратит на собственную одежду, которую, конечно, не может носить дома, но которая доставляет ей огромное удовольствие на улицах.

У девочки из многолюдной квартиры нет комнаты, где она могла бы принимать своих друзей или читать книги, из которых она узнает о жизни разных героинь или, что еще лучше, мечтает о них, как о себе. Даже если гостиная не заполнена пансионерами, детьми или стиркой, она не удобна ни для приема друзей, ни для чтения, и она находит на улице все свое социальное поле; витрины магазинов с их желанной одеждой спешат одеть ее героинь, путешествующих по старым дорогам романтики, уличные автомобили, шумно проносящиеся мимо, предлагают восхитительное место где-то далеко, а молодые люди, которые проходят мимо, предлагают возможности для самых восхитительных знакомств. Неудивительно, что она настаивает на одежде, соответствующей идеалам этой всепоглощающей улицы, и что она без колебаний обманывает непонимающую семью, которая не признает ее важности.

Одна такая девушка в течение двух лет зарабатывала деньги на одежду, регулярно посещая неприличный салун с шести до половины седьмого вечера. На эти деньги, зарабатываемые почти ежедневно, она покупала одежду по своему вкусу, оставляя ее у жены хозяина салуна. Она скромно возвращалась в семью к ужину в своей поношенной рабочей одежде и каждую субботу вечером вручала матери нераспечатанный конверт с зарплатой. Она начала эту жизнь в четырнадцать лет, после того как ее мать-полька избила ее за то, что она "задрала" рукава и "вырезала" горловину своего невзрачного бязевого платья в тщетной попытке придать ему "американский" вид. Ее мать, которая так добросовестно наказывала дочь, "слишком помешанную на одежде", конечно, никогда не могла понять, насколько опасно сочетание неудовлетворенной любви к нарядам и возможностей незаконного заработка на улице. И все же многие печальные случаи можно отнести на счет такого непонимания. Чарльз Бут утверждает, что в Англии значительная часть родителей, принадлежащих к рабочему и даже среднему классу, не знакома с характером жизни своих дочерей, что, несомненно, является результатом ранней свободы улицы, предоставленной городским детям. Слишком часто сами матери находятся в полном неведении относительно скрытых

опасностей. Несколько дней назад я держал в руках жалкую стопку писем, написанных отчаявшейся пятнадцатилетней девушкой перед тем, как она попыталась покончить с собой. Эти письма были адресованы ее возлюбленному, подругам, руководителю дома спасения, но ни одного - матери, к которой она испытывала горькую обиду, "потому что та не предупредила меня". Бедная мать после смерти мужа ушла жить к замужней дочери, но так как зять не хотел "брать двоих", она сказала младшей дочери, которая уже год работала ученицей в портновской мастерской, что та должна найти жилье у одной из своих подруг. Это оказалось невозможным, и через три дня после разрыва дома бедная девочка стала жертвой белого работоторговца, который обращался с ней очень жестоко и подвергал невыразимым унижениям. Только когда ее "защитник" покинул город, напуганный нежданной активностью полиции, вызванной волной реформ, она нашла дорогу в дом спасения, а менее чем через пять месяцев после смерти отца она купила карболовую кислоту и сознательно "подстерегла смерть для безымянного ребенка" и себя.

Еще один опыт, во время которого девушка сталкивается с особой опасностью, - это когда она потеряла одну "работу" и ищет другую. Естественно, она теряет свое место в сезон затишья и продолжает поиски в тот самый момент, когда вакансии найти труднее всего, и поэтому ее безработица затягивается. Пожалуй, ничто в нашем общественном устройстве не является настолько неорганизованным и неорганизованным, как наш метод, или, скорее, отсутствие метода, устройства молодых людей на работу. Это очевидно с точки зрения их первых мест, когда они покидают школу в нестабильном возрасте четырнадцати лет, или с точки зрения бесчисленных мест, которые они занимают позже, часто до десяти в год, когда они увольняются или меняются добровольно из-за беспокойства. И здесь трудности девочки часто усугубляются отсутствием сочувствия и понимания со стороны родителей. Девушка часто боится сказать, что потеряла место, и делает вид, что каждое утро ходит на работу, пока ищет новую; она откладывает рассказ дома день ото дня, становясь все более неистовой по мере приближения обычного дня зарплаты. Некоторые девушки берут в долг у ростовщиков, чтобы отвезти привычную зарплату родителям, другие становятся жертвами недобросовестных агентств по трудоустройству, стремясь взять первое, что предложат.

Большинство таких девушек откликаются на объявления в ежедневных газетах как на самый дешевый и надежный способ устроиться на работу. Этим безработных девушек можно найти, иногда до сорока или пятидесяти за раз, в комнатах отдыха универмагов, ожидая нового выпуска газет после того, как они обошли все утренние объявления и ничего не нашли.

Конечно, такое возможное поле для деятельности, как эти комнаты отдыха, не остается без внимания сводника, которому очень легко завязать дружеские отношения, предлагая свежий выпуск газеты. Даже копейки ценны для безработной девушки, и она также легко благодарна любому, кто проявляет интерес к ее положению и сообщает ей о вакансии. Два представителя Ассоциации защиты несовершеннолетних Чикаго в течение трех недель арестовали и осудили семнадцать мужчин и трех женщин, промышлявших в комнатах отдыха девяти универмагов. Управляющие были сильно обеспокоены этим разоблачением и немедленно организовали как более толковых матрон, так и усиление бдительности. Один из менее щепетильных магазинов добровольно отказался от метода рекламы в самой комнате отдыха, когда демонстратор из "прилавка красоты" гримировала лица посетительниц комнаты отдыха с помощью пудры и краски, продававшихся в ее отделе внизу. Особенно этой привилегией пользовались неработающие девушки, которые надеялись, что их поиски станут легче, когда их бледные, удрученные лица "станут красивыми". Бедные девушки не могли знать, что накрашенное таким образом лицо значительно повышает их риск.

Несколько девушек также приходили рано утром, как только открывались комнаты отдыха. Они умывали лица и укладывали волосы, а затем укладывались спать в самые большие и удобные кресла, какие только были в комнате. Некоторые из них были неработающими девушками, также решившими забрать свою зарплату домой в конце недели. Каждая из них притворялась перед матерью, что провела ночь с подругой, а весь день работала, как обычно. Насколько этот обман объясняется тиранией родителей, а насколько - чувством ответственности за младших детей или инвалидов, невозможно оценить, пока количество подобных случаев не станет намного больше. Несомненно, что многолетняя привычка к послушанию, а также чувство семейного долга, заложенное с детства, часто используются белыми работниками.

Как бы ни было тяжело положение девушки, оставшейся без работы, когда ее семья требовательна и непонятна, она имеет несравненно большую защиту, чем девушка, живущая в городе без домашних связей. Такие девушки составляют шестнадцать процентов работающих женщин Чикаго. Поскольку абсолютно каждый пенни из их скудной зарплаты уходит на неполноценную жизнь, они совершенно не умеют откладывать деньги. Одиночество и отстраненность, которые город порождает в своих жителях, легко перерастают у такой девушки в изоляцию и опустошающее чувство принадлежности к ничему. Всю молодость возмущает ощущение огромности вселенной по сравнению с ничтожностью отдельной жизни, и юность, с ее напряженным самосознанием, которое делает каждого молодого человека центром всех эмоциональных переживаний, размышляет об этом так, как не может размышлять ни один пожилой человек. В такие моменты черный гнет, инстинктивный страх одиночества, заставляет одинокую девушку беспокойно бродить по улицам даже тогда, когда она "слишком устала, чтобы стоять", и когда ее стремление к общению само по себе представляет серьезную опасность. Такая девушка, живущая в съемной комнате, обычно не имеет места, где можно было бы должным образом принимать звонящих. Недавно в Канзас-Сити было проведено исследование 411 ночлежных домов, в которых жили молодые девушки; менее 30 процентов из них имели гостиную, в которой можно было бы принимать гостей. Многие девушки совершенно безобидно позволяют молодым людям приходить к ним в спальни, жалко замаскированные под "гостиные", но опасность очевидна, и стандарты девушки постепенно снижаются.

Конечно, в трудные времена, когда девушка остается без работы, она должна получать гораздо более квалифицированную помощь, чем сейчас; она должна иметь возможность пользоваться услугами государственных агентств занятости гораздо чаще, чем это возможно сейчас, а работа недавно созданных профессиональных бюро должна быть значительно расширена.

Когда мы всерьез возьмемся за ликвидацию социального зла, общество обнаружит, что должно изучать промышленность с точки зрения производителя в том смысле, в каком это никогда не делалось раньше. Такое изучение промышленного законодательства, с одной стороны, объединит себя с профсоюзным движением, которое настаивает на прожиточном минимуме и сокращении рабочего дня для рабочих, а также на возможности самоопределения, а с другой - с движением за эффективность, которое воздержится от чрезмерного утомления оператора, как и от чрезмерного ускорения машины. В дополнение к законодательным актам и историческим усилиям профсоюзов, более слабое и новое движение со стороны работодателей подкрепляется секретарем по социальному обеспечению, который не только разрабатывает планы отдыха и образования, но и предоставляет работодателю много тревожной информации о стоимости жизни в сравнении с жалкими зарплатами работающих девушек. Конечно, работодателям становится все более

стыдно использовать избитый, лицемерный предлог нанимать только девушек, "защищенных домашним влиянием", в качестве средства для снижения заработной платы. Помощь может прийти и от потребителей, ведь все большее их число, испытывая сомнения в отношении соблазнительных молодых сотрудниц, не только не желают покупать у работодателя, который недоплачивает своим девушкам, и тем самым разделять его вину, но и стремятся различными способами изменить существующие условия.

Поскольку работающие женщины вступают в новые сферы труда, которые открываются заново по мере того, как старые сферы погружаются за ними, общество должно стремиться как можно скорее защитить их путем улучшения экономических условий, которые сейчас так неоправданно суровы и опасны для здоровья и нравственности. Всемирное движение за установление правительственного контроля над условиями труда в промышленности особенно заботится о работающих женщинах. Четырнадцать европейских стран запрещают женщинам работать по ночам, и почти каждая цивилизованная страна в мире рассматривает вопрос о количестве часов и характере работы, которой можно безопасно заниматься женщинам.

Хотя улучшение ситуации происходит так медленно, что многие молодые девушки ежегодно приносятся в жертву в условиях, которые можно было бы так легко и разумно изменить, тем не менее, очевидно, лучше преодолеть опасности в этой новой и более свободной жизни, которую современная промышленность открыла для женщин, чем пытаться отступить в домашнюю промышленность прошлого; ведь по всем статистическим данным проституции наибольшее число рекрутов для этой жизни приходит из домашней службы и второе по величине число из девушек, которые живут дома без определенного рода занятий. Поэтому, хотя в экономическом аспекте этого социального зла больше, чем в каком-либо другом, мы находим основания для отчаяния, в то же время мы видим, как нигде, упрямую силу сопротивления молодой девушки. Тем не менее, самый поверхностный взгляд на ее окружение показывает необходимость как можно скорее улучшить тяжелые экономические условия, в которых она сейчас находится.

Неуклонно возрастающая функция государства, которое стремится защитить своих работников от их собственной слабости и деградации и настаивает на том, чтобы средства к существованию подсобного рабочего не опускались ниже уровня эффективной гражданственности, почти ежедневно принимает новые формы. Как с человеческой, так и с экономической точки зрения государство обязано выяснить, сколько жертв белого работорговли является результатом социального пренебрежения, неспособности к исправлению ситуации и отсутствия промышленных гарантий, и в какой степени прерывистая занятость и отсутствие работы являются факторами, порождающими уныние и отчаяние.

Может быть, потому, что наш современный индустриализм настолько нов, что мы не сразу поняли его связь с нищетой и пороком, царящими вокруг нас? Социалисты постоянно говорят о связи экономических законов с нищетой и указывают на связь между промышленным неблагополучием и индивидуальными проступками, но, конечно, изучение социальных условий, обязанность искоренять пороки не может принадлежать одной политической партии или одной экономической школе. Оно должно быть признано торжественной обязанностью существующих правительств, а общество должно осознать, что экономические условия могут стать более праведными и более человечными только благодаря неустанной преданности поколений людей.

ГЛАВА IV

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ

Ни одно великое зло не вставало в общественном сознании поколения более отчетливо, чем коммерциализированный порок в сознании нашего, и то, что мы так медленно действуем, является лишь еще одним доказательством того, что человеческая природа обладает любопытной способностью черствого безразличия к злу, которое настолько укоренилось, что кажется частью того, что было всегда. Педагоги, конечно, разделяют это отношение; в некоторые моменты они, кажется, усиливают его, хотя, наконец, в школах и колледжах начинается образовательное движение в направлении гигиены секса. Начальные школы стремятся удовлетворить первые вопросы ребенка о зарождении человеческой жизни и подходят к этому предмету через простое биологическое обучение, которое, по крайней мере, ставит эти знания в один ряд с другими фактами природы. Такое обучение - огромный прогресс для детей, чье любопытство в противном случае удовлетворялось бы из ядовитых источников и которые узнавали бы о простых физиологических вопросах из таких тайных течений порочных знаний, которые навсегда извратили бы их сознание. Однако этот первый прямой шаг к адекватному образовательному подходу к данному предмету оказался на удивление трудным из-за самосознания взрослых людей; ведь в то время как дети воспринимают учение довольно просто, их родители часто испытывают тревогу.

Несомненно, потребуется сотрудничество с родителями, прежде чем этот предмет займет достойное место в школах. В Чикаго крупнейший женский клуб города организовал обычные курсы по половой гигиене, которые посещают как учителя, так и матери. Национальная и государственная федерации женских клубов постепенно готовят тысячи женщин по всей Америке к более полному сотрудничеству со школами в этом сложном вопросе. В этом, как и во многих других образовательных движениях, лидирует Германия. В Берлине ежемесячно выходят два издания, которые способствуют не только более эффективному законодательству, но и более адекватному обучению в школах по этому основному предмету. Эти журналы поддерживаются мужчинами и женщинами, стремящимися к свету ради своих детей. Некоторых из них впервые побудила к действию мощная драма Ведекинда "Пробуждение весны", в которой с тевтонской мрачностью на софитах показан урок, что смерть и деградация могут стать уделом группы одаренных школьников из-за трусливой молчаливости их родителей.

Год назад епископ Лондона собрал ряд влиятельных людей и изложил им свои убеждения в том, что корень социального зла лежит в так называемой "родительской скромности" и что в пробуждении родительской совести кроется надежда на "поднятие морального тонуса Англии, который так долго был в отчаянии у передовых людей страны".

В Америке восьмой ежегодник Национального общества по научному изучению образования рассматривает эту важную тему с большим мастерством, объединяя агентства и методы в впечатляющий набор. Многие другие образовательные журналы и организованные общества могут быть приведены как выражающие новое сознание в отношении этого всемирного зла. Экспертное педагогическое мнение, которое они представляют, практически единодушно в том, что для детей старшего возраста обучение не должно ограничиваться биологией и гигиеной, но может происходить вполне естественно в истории и литературе, которые фиксируют и изображают разрушения, причиняемые сексуальным инстинктом, когда он не контролируется, а также показывают, что, когда он направлен и одухотворен, он становится вдохновением для самых высоких посвящений и жертвоприношений. Обучаемая таким образом молодежь видит в этом первобытном

инстинкте не только необходимое условие продолжения рода, но и, когда он преобразуется в высшие цели, основополагающий фактор социального прогресса. Вся тема расширяется в его сознании по мере того, как он узнает, что его собственная борьба - это общий опыт. Он может делать собственные интерпретации и бороться с грубыми умозаключениями своих покровительственных товарищей. В конце концов, ни один молодой человек не сможет контролировать свои порывы и уберечься от грубых соблазнов, если он не будет находиться под благородным влиянием. Возможно, нам еще предстоит узнать, что подавление характера, равно как и его укрепление, легче всего происходит благодаря идеалистическим мотивам.

Безусловно, все великие религии мира признавали потребность молодежи в духовной помощи в трудные годы отрочества. Обряды самых ранних религий посвящены этому инстинкту почти без исключения, а все более поздние религии пытаются снабдить юношу тeneвым оружием для предстоящей ему борьбы, ибо мудрецы во все века знали, что только сила духа может победить похоти плоти. Несмотря на этот прогресс в образовании, учебные курсы во многих государственных и частных школах по-прежнему составляют так, как будто педагоги никогда не знали, что в пятнадцать или шестнадцать лет сила воли еще слаба, а телесные желания остры и настойчивы. Директор Итона мистер Литтлтон, который много размышлял над этим пробелом в воспитании молодежи, говорит: "Непременный результат того, что огромное большинство мальчиков остается без руководства и наставлений в вопросах, касающихся их самых сильных страстей, заключается в том, что они вырастают и начинают судить обо всех вопросах, связанных с этим, с чисто эгоистической точки зрения". Он утверждает, что этот эгоизм обусловлен тем, что все предложения или подсказки, которые мальчики получают по этому вопросу, исходят от других мальчиков или юношей, которые находятся под тем же сильным влиянием невежества, любопытства и притязаний на себя. Не дается никакого полезного противовеса знаниям, не делается попыток придать предмету достоинство или поставить его в связь с благосостоянием других людей и всеобщим законом. Мистер Литтлтон утверждает, что только этим можно объяснить специфически жестокое отношение к "отверженным" женщинам, которое можно обнаружить ни в одной другой области английской жизни. Процитируем его еще раз: "Но когда жертвами человеческой жестокости становятся не птицы или звери, а наши соотечественники, обреченные сотнями тысяч на жизнь, полную невыносимого позора и безнадежных страданий, тогда и только тогда общий средний тон молодых людей становится жестким и жестоко черствым или легкомысленным с таким грубым легкомыслием, которое не проявляется по отношению к любой другой форме человеческого страдания." В настоящее время тысячи молодых людей в наших больших городах не имеют никаких других знаний об этом серьезном социальном зле, которое в любой момент может стать опасной личной угрозой, кроме тех, что передаются им в этом грубом легкомысленном духе. Говорят, что ребенок, растущий в условиях цивилизации, получает от своих родителей и учителей нечто от накопленного опыта мира по всем другим вопросам, кроме секса. Только в этом вопросе каждое поколение мало чему учится у своих предшественников.

Один из педагогов недавно заметил, что это старая приманка порока - притворяться, что только он имеет дело с мужественностью и реальностью, и он жалуется, что всегда трудно убедить молодежь, что высшие планы жизни содержат что-то, кроме холодных чувств. Он утверждает, что молодые люди склонны принимать нравоучения и наставления с вежливым вниманием, но когда дело доходит до действий, они внимательно наблюдают за окружающей их жизнью, чтобы вести себя так, чтобы стать частью действительно желанного мира, населенного людьми дела. Из-за такого отношения многие молодые люди, живущие в наших городах в настоящее время, не вняли наставлениям религии и не откликнулись на ее

внутренний контроль. Как будто воздействие мира ошеломило их духовную природу, и как будто это произошло в то самое время, когда проводится опаснейший эксперимент. Публичные гулянья, ранее разрешенные в католических странах, где молодежь сдерживалась исповедью, теперь разрешены в городах, где эта сдержанность совершенно неизвестна тысячам молодых людей и лишь слабо и традиционно действует на тысячи других. Пуританская история американских городов предполагает, что эти развлечения запрещены, а улицы трезвы и благопристойны для совестливых юношей и девушек, не нуждающихся в посторонней защите. Это необоснованное предположение в сочетании с тем фактом, что никто из взрослых не пользуется доверием этих молодых людей, постоянно подвергающихся множеству впечатлений, почти наверняка приведет к катастрофическим последствиям.

Социальные отношения в современном городе завязываются так поспешно и часто так поверхностно, что старые человеческие сдерживающие факторы общественного мнения, долгое время сохранявшиеся в небольших сообществах, также разрушились. Тысячи молодых мужчин и женщин в каждом большом городе не получили ни одного урока самоконтроля, который даже дикие племена давали своим детям, когда учили их владеть своими аппетитами и эмоциями. Эти молодые люди, возможно, находятся дальше от всякой общественной сдержанности и подлинного социального контроля, чем молодежь общества когда-либо была за всю долгую историю цивилизации. Безусловно, только современный город предлагает одновременно все возможные стимулы для низшей природы и все возможности для тайного порока. Педагоги, видимо, забывают, что эта безудержная стимуляция молодежи, столь характерная для наших городов, хотя и развивается очень быстро, возникла недавно, и мы еще не видели ее результатов. Нынешнее образование среднего молодого человека дает ему лишь самую незначительную защиту от соблазнов города. Школьники подвергаются многочисленным соблазнам извне как раз в тот момент, когда они наполняются внутренним буйством, которое совершенно сбивает их с толку и относительно которого их никто не наставлял, кроме пустых наставлений и невразумительных предупреждений.

Нам авторитетно заявляют, что физические трудности чрезвычайно усиливаются из-за неконтролируемого или извращенного воображения, и все здравые советы молодым людям по этому поводу подчеркивают чистоту разума, призывают к воображению, свободному от чувственности, и настаивают на том, чтобы дни были наполнены полезными спортивными занятиями. Мы же допускаем, что для тысяч молодых людей, живущих в самых людных и самых нездоровых районах города, этот режим в точности обратен. Мало того, что сцена в своих рекламах демонстрирует все соблазны секса до такой степени, что пьеса без "любовного интереса" считается обреченной на провал, но и романы, которые являются единственным чтением тысяч юношей и девушек, посвящены только течению настоящей или симулированной любви, приводящей то к розовому браку, то к пестрым несчастьям.

Зачастую единственным возможным совместным отдыхом юношей и девушек являются танцы, на которых всегда легко нарушить приличия. Однако во многих общественных танцевальных залах непристойности намеренно поощряются. Вальсы и двухшаговые танцы нарочито медленные, пары, тяжело опираясь друг на друга, едва передвигаются по полу, все веселье и бодрящие упражнения крестьянского танца исключены, как и все тщательные приличия официального танца. Усилия, направленные на получение удовольствия или подпитку воображения, сходятся, таким образом, на чувствах, которые молодым людям и без того трудно понять и контролировать. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в некоторых районах города можно встретить группы праздных молодых людей, чье дурное

воображение фактически подавляет их способность к нормальной жизни. На улицах или в бильярдных, где они собираются, их разговоры, рассказы о приключениях, замечания в адрес проходящих мимо женщин - все это свидетельствует о том, что они попали в плен инстинкта, столь мощного и первобытного, что, если его не направлять, он может легко захлестнуть своего обладателя и захлестнуть его способности. Эти молодые люди, не имеющие постоянной работы, рассчитывающие на поддержку матерей и сестер и на то, что деньги на шоу и театры можно добыть любым неблагоприятным делом, проходят отличную подготовку к жизни сводника, и именно из таких групп их набирают. Существует почти система ученичества, ведь мальчики, когда они совсем маленькие, выступают в роли "соглядатаев", а позже их используют для знакомства с девушками, чтобы познакомить их с профессионалами. Постепенно они осваивают метод привлечения девушек и, наконец, занимаются самостоятельным бизнесом. Если один парень преуспевает в такой жизни, по всем его знакомым распространяется слух, что девушка - это актив, который принесет больший доход, чем можно заработать тяжелым трудом. Если бы воображение этих молодых людей можно было контролировать и развивать, если бы стремление к приключениям можно было направить в полезное русло, если бы этих праздных мальчишек научили, что, не будучи мужественными, они теряют всю мужественность, если бы у них пробудились более высокие интересы и появились стандарты в отношении этого одного аспекта жизни, вся ситуация с коммерциализацией порока была бы совсем другой.

Девочки, жаждущие приключений, похоже, ограничены этим сомнительным выходом даже больше, чем мальчики. Хотя в Чикаго в суд по делам несовершеннолетних поступает лишь одна восьмая часть девочек-правонарушителей, чем мальчиков, обвинение против девочек почти в каждом случае связано с потерей целомудрия. Одна из них, тщетно пытавшаяся сформулировать причины своего падения, сконцентрировала их в одном-единственном утверждении: она хотела, чтобы другие девочки знали, что она тоже "хорошая индианка". Такая девушка, хотя она и не является членом банды мальчиков, часто привязана к ней такой преданностью и дружбой, что редко будет свидетельствовать против ее члена, даже если он ее обидел. Она также зависит от банды, когда ей нужен залог в полицейском суде или защита, которую дает политическое влияние, и часто очень гордится своим квазичленством. Маленькие девочки, попавшие в суд по делам несовершеннолетних, обычно являются дочерьми беднейших иммигрантских семей, живущих в городских квартирах самого худшего типа, которые часто вынуждены брать пансионеров, чтобы платить за жилье. Удивительно много маленьких девочек впервые оказались вовлечены в противоправные действия через мужчин из их собственных семей. Недавнее расследование, проведенное среди 130 девочек, живущих в грязном квартале красных фонарей, показало, что большинство из них стали жертвами такого рода, и эта ошибка пришла к ним так рано, что они стали жертвами в среднем в возрасте восьми лет. Глядя на этих несчастных маленьких существ, которых часто приводят в чикагский суд по делам несовершеннолетних, чтобы они свидетельствовали против своих собственных родственников, испытываешь то любопытное сочувствие, которое Гете выразил в ставшей уже заезженной строчке из "Миньона": "Was hat Man dir, du du

"Что ж сделал человек тебе, твой воинственный вид?".

При виде нерегулируемых парков развлечений, которые, очевидно, так опасны для маленьких девочек двенадцати-четырнадцати лет, так и тянет упрекнуть педагогов в том, что они пренебрегают обучением детей игре. Поскольку они по-детски жаждут развлечений и совершенно не в состоянии заплатить за поездку по живописной железной дороге или за билет на развлекательное мероприятие, эти разочарованные дети легко соглашаются на многочисленные услуги от молодых людей, которые стоят у входов с явной целью испортить

им жизнь. Отвратительное вознаграждение, которое требуют от них позже вечером, после того как они наслаждаются многочисленными "лакомствами", которые предлагает парк развлечений, кажется им малозначительным. Их детские умы заполнены воспоминаниями о ярких удовольствиях до беспамятства, и они охотно рассказывают своим спутникам о возможности "попасть на все представления". Эти бедные маленькие девочки проходят незамеченными среди толпы честных людей, желающих отдохнуть после долгого рабочего дня, групп девушек постарше, гуляющих и оживленно беседующих с молодыми людьми, с которыми они знакомы, и счастливых детей, держащих за руки своих родителей. Такая жестокая эксплуатация детского стремления к удовольствиям, разумеется, возможна только среди определенного типа городских детей, лишенных стандартов, в чью бесцветную жизнь посещение парка развлечений вносит апогей безумного восторга. Возможно, эти дети - неизбежный продукт городской жизни; в Париже маленькие девочки на местных праздниках, желающие прокатиться на лошади, часто покупают эту привилегию по страшной цене у человека, управляющего механизмами, а врач, связанный с Нью-Йоркским обществом по предотвращению жестокого обращения с детьми, пишет: "Ужасно жалко узнавать, насколько далеко уйдет пятак или четвертак, чтобы купить добродетель этих детей".

Домашнее окружение таких детей было таким же, как и у многих других, кто пришел к несчастью через пятицентовые театры. Эти жаждущие маленькие люди, которым жизнь предлагает мало удовольствий, толпятся у дверей в надежде, что их примет какая-нибудь добрая душа, и, когда их снова и снова разочаровывают и вот-вот начнется последнее представление, маленькую девочку могут бездумно склонить к тому, чтобы она обменяла свое целомудрие на плату за вход.

Встречается немало детей, которых соблазнили на первый проступок в салуне, несмотря на то, что одним из самых первых правил защиты детей в американских городах был запрет на продажу спиртного несовершеннолетним. То, что дети могут быть легко деморализованы влиянием беспорядочных салунов, было продемонстрировано недавно в Чикаго; один из таких салунов был расположен так, что ученики государственной школы были вынуждены проходить мимо него и из окон самой школы могли видеть многое из того, что происходило в этом месте. Ассоциация защиты несовершеннолетних предприняла попытку добиться закрытия салона начальником полиции, но, хотя он и сделал это, на следующий день он снова был открыт. Тогда Ассоциация обратилась к мэру, который отказался вмешиваться, настаивая на том, что нежелательные элементы были устранены. В течение нескольких месяцев, пока практика заведения оставалась совершенно неизменной, одна за другой группы общественно настроенных граждан пытались подавить то, что превратилось в общественный скандал, но обнаруживали, что заведение находится под защитой интересов пивоваров, которые были более могущественными, как в финансовом, так и в политическом плане, чем они сами. Наконец, после особенно вопиющего случая с маленькой девочкой, матери района устроили массовое собрание в самом здании школы, пригласив на него местных чиновников. Затем матери представили массу свидетельств, доказывающих, что десятки и сотни детей прямо или косвенно пострадали от заведения, удаления которого они требовали. Митинг, полный искренней тревоги и праведного негодования, не мог остаться без внимания, и отдел обязательного образования наконец-то смог добиться отзыва лицензии. Многие люди, которые так долго пытались покончить с этим заведомо неприглядным салуном, получили новое представление о том, какую угрозу представляют собой дети, которые становятся искушенными в результате ежедневного общения с пороком. И все же многие матери, придавленные бедностью, вынуждены снимать жилье рядом с порочными кварталами, и их дети очень рано знакомятся со всеми внешними

проявлениями порока. Среди них - дети вдов, которые заводят дружбу с сомнительными соседями в течение долгих дней, пока их матери на работе. Я вспоминаю двух сестер из одной семьи, чья мать перевезла свое хозяйство на границу сегрегированного района Чикаго, по-видимому, не зная характера этого района. Младшие сестры, двенадцати и восьми лет, приняли множество приглашений от доброй соседки зайти к ней в дом, чтобы посмотреть на ее красивые вещи. Старшая девочка с удовольствием "красилась" пудрой и красками и примеряла длинные платья, а младшую, которая очень красиво пела, научили новым песням, к счастью, не понимая их смысла. Уставшая мать ничего не знала о том, чем занимались дети во время ее отсутствия, пока честная соседка, видевшая, как маленькие девочки входят и выходят из дома, не вмешалась в их дела. Испуганная мать вернулась в свой старый район, который она покинула в поисках более дешевой аренды, ее благочестивая душа взволновалась до глубины души от того, что дети, ради которых она терпеливо трудилась изо дня в день, так близко избежали гибели.

Кто не помнит хотя бы одну из этих отчаявшихся матерей, переутомленных и измученных долгим днем, затянувшимся до вечера стиркой и готовкой, за которым следует ночь предчувствий и тревог из-за того, что дети, ради которых она жертвует жизнью, постепенно ускользают от ее контроля и привязанности? Такое зрелище заставляет согласиться с Уэллсом, что это "чудовищная нелепость", когда женщины, "выполняющие свою высшую социальную функцию - воспитание детей, должны делать это в свободное время, как бы "зарабатывая себе на жизнь", внося какой-то полумеханический элемент в какой-то тривиальный промышленный продукт". Тем не менее, такая женщина, чья заработная плата установлена на основе индивидуального пропитания, которая совершенно не способна зарабатывать на семью, все равно несет юридическое обязательство содержать своих детей с отчаянным наказанием в виде лишения прав в случае неудачи.

Я могу вспомнить одну очень интеллигентную женщину, которая долгое время приводила своих детей в ясли Халл-Хауса, и вот какой результат она получила в конце десяти лет своей преданности: маленькая девочка почти полностью оглохла из-за пренебрежения после кори, потому что ее мать не могла оставить работу, чтобы ухаживать за ней; младший мальчик потерял ногу, переворачивая машины; старший мальчик дважды был арестован за мелкое воровство; мальчики-близнецы, несмотря на длительное пребывание в родительской школе, были такими привычными прогульщиками, что их природный интеллект мало помогал воспитанию. Из пятерых детей трое сейчас находятся в полутюремных учреждениях, поддерживаемых государством. Поэтому было бы не так уж и экономически невыгодно содержать их вместе с их собственной матерью, требуя, чтобы уровень питания и посещения школы, по крайней мере, соответствовал национальным стандартам воспитания, которые устанавливают более развитые европейские правительства.

Недавний закон штата Иллинойс, предусматривающий, что дети вдов могут содержаться за счет государственных средств, выплачиваемых матери по решению суда по делам несовершеннолетних, в конечном итоге вернет этим бедным детям материнскую заботу; а пока даже бедная мать, получающая такую помощь, в своих вынужденных поисках дешевой аренды может постоянно приближаться к печально известным дурным районам. Многочисленные обращения к хозяевам неприглядных домов в Чикаго от имени детей, живущих по соседству с такой недвижимостью, никогда не находили положительного отклика. По всей видимости, обычному владельцу недвижимости трудно противостоять высокой арендной плате, которую могут получать дома в некоторых районах города, если они сдаются в аренду для целей порока. Я помню два небольших каркасных дома, одинаковых по типу и стоимости, стоящих рядом друг с другом. Один из них, принадлежавший

беспринципному гражданину, сдавался в аренду за 30 долларов в месяц, другой, принадлежавший добросовестному человеку, - за 9 долларов в месяц. Предполагаемые респектабельные домовладельцы прикрываются старой софистикой: "Если бы я не сдавал свой дом для таких целей, это сделал бы кто-то другой", а более закаленные говорят: "Это все в рамках бизнеса". И тем, и другим в огромной степени помогает тайна, окружающая владение такими домами, хотя есть надежда, что законы, требующие, чтобы имя владельца и агента каждого многоквартирного дома было вывешено в публичном коридоре, в конце концов прорвут эту защиту, и тогда обнаруженные домовладельцы будут обязаны заплатить штраф, к которому, как гласит закон, они сами себя привлекли. А пока женщины, вынужденные искать дешевую аренду, подвергаются еще одному препятствию в дополнение ко многим другим, которые накладывает на них бедность. Подобный опыт может объяснить тот факт, что, по английским данным, среди проституток в крупных городах, где сохранились сегрегированные районы, очень велика доля вдов и брошенных женщин.

Лишение материнской заботы чаще всего испытывают дети из беднейших цветных семей, которые часто вынуждены жить в неблагополучных кварталах, потому что буквально не могут снять жилье в другом месте. Как потому, что арендная плата всегда высока для цветного населения, так и потому, что цветные матери вынуждены содержать своих детей, в семь раз больше, пропорционально их общей численности, чем белые матери, фактическое число цветных детей, оставленных без присмотра в условиях искушения, ненормально велико. Жизнь ребенка настолько тесно связана с подражанием тому, что он видит, что ребенок, который знает все зло, в конце концов почти наверняка разделяет его. Цветные дети редко выходят далеко за пределы своих кварталов: на общественных игровых площадках, которые теоретически открыты для них, они чувствуют себя настолько неуютно из-за грубости других детей, что учатся держаться подальше, и, будучи закрытыми от законного отдыха, еще больше соблазняются беспечной, роскошной жизнью порочного квартала. Помимо цветных девочек, которые с детства знакомятся с внешними проявлениями порока, есть и другие, которых недобросовестные агентства по трудоустройству, которые не рискнули бы так обращаться с белой девушкой, присылают в район в качестве домашней прислуги. Общество заставляет тех самых людей, у которых, по общему признанию, самая короткая история социальной сдержанности, вступать в опасную близость с порочными районами города. В результате, как и следовало ожидать, большое количество цветных девушек вступает в неблагоприятную жизнь. Сами негры считают, что основной причиной высокого процента цветных проституток является недавнее порабощение их расы с сопутствующим ему нестабильным брачным и родительским статусом, и указывают на тысячи случаев продажи рабов, которые всего два поколения назад разрушили попытки негров устроить семейную жизнь. Зная об этом, тем более неоправданным кажется, что нация, ответственная за разрушенные основы семейной жизни, должна беспечно позволять неграм, делающим первые шаги на пути к более высокому стандарту домашнего уклада, подвергаться самым вопиющим соблазнам, которые допускает наша цивилизация.

Воображение даже очень маленьких детей легко направить в чувственное русло. Однажды в психопатическую клинику, связанную с чикагским судом по делам несовершеннолетних, привезли девочку двенадцати лет. Больше недели она находилась под наблюдением полиции, в то время как озадаченные детективы тщетно пытались проверить заявления, которые она сделала своему учителю воскресной школы, подробно рассказав о некоторых ужасных событиях, которые с ней произошли. По крайней мере неделю никто из заинтересованных лиц даже не подозревал, что ребенок выдумывает. Полиция считала, что она просто запуталась в местах, в которые ее "переносили без сознания". Первую подсказку дала мать, которая настаивала на том, что ребенок никогда не отлучался от нее надолго,

чтобы иметь подобные переживания, но каждый день после обеда приходил домой прямо из школы и пил чай, которого обычно выпивал десять или двенадцать чашек. Умелые расспросы в клинике, четко установив факт расстройства психики, выявили поразительное знание привычек преступного мира.

Даже дети, живущие в приличных районах и опекаемые внимательными родителями, чтобы их воображение не извращалось, а только голодало, постоянно ведут поиск магического и невозможного, что приводит их к моральным опасностям. Поразительно много из них обращаются к пальмистам, прорицателям и гадалкам. Эти торговцы будущим, которые продают только любовь и богатство, причем последнее часто зависит от первого, иногда находятся в сговоре с неблаговидными домами, а в лучшем случае усложняют путь к нормальной жизни своим жаждущим молодым покровителям. Есть что-то очень жалкое в овечьих, но сияющих лицах мальчика и девочки, часто вместе, которые выходят на улицу из мрачного подъезда с пальмовым знаком в виде раскинутой руки. Этот остаток первобытной магии - все, что они могут найти для подпитки своего пылкого воображения, хотя в городе есть библиотеки и галереи, увенчанные более поздними достижениями человеческой фантазии. Одна моя знакомая трудолюбивая девушка, которой пальмист сказал, что "бриллианты скоро придут к ней", впоследствии без раздумий приняла так называемое бриллиантовое кольцо от мужчины, чьи неуместные ухаживания она до сих пор терпела.

Помимо этих беспечных молодых людей, втянутых в грязную и порочную жизнь благодаря самим поискам романтики, есть множество маленьких детей, попавших в ловушку с помощью самых невинных детских игр и удовольствий. Возможно, одним из самых печальных аспектов социального зла в том виде, в каком оно существует сегодня в современном городе, является приобретение маленьких девочек, которые слишком молоды, чтобы получить адекватное образование любого рода, и чьи естественные гарантии скромности и сдержанности были разрушены перенаселенностью доходных домов. Любой педагог, внимательно изучивший детей из многолюдных районов, поражается тому, как много среди них тех, чья нравственная природа, очевидно, не пробудилась. Если в одном районе таких безнравственных детей сравнительно немного, то в целом по городу их число далеко не ничтожно. Такие дети используются непорядочными людьми для того, чтобы приглашать своих более нормальных товарищей на домашние вечеринки, которые они посещают снова и снова, соблазняясь конфетами и фруктами, пока постепенно не научатся доверять порочной хозяйке. Глава одного из таких домов, недавно отправленная в тюрьму по обвинению, выдвинутому против нее Ассоциацией защиты несовершеннолетних, основала свой крупный и успешный бизнес на деятельности трех или четырех маленьких девочек, которые, хотя и поняли постепенно ее цели, были, по-видимому, настолько прикованы к ней полученными лакомствами и милостями, что им была совершенно безразлична судьба их маленьких друзей. У таких детей, доставленных в психопатическую клинику при чикагском суде по делам несовершеннолетних, иногда обнаруживают зарождающуюся эпилепсию или другие физические отклонения, которыми можно хотя бы отчасти объяснить их поведение. Иногда они происходят из респектабельных семей, но чаще - из семей, где с ними плохо обращались и где беспутные родители не давали им ни ласки, ни защиты. Многим из этих детей, чьи родственники явно способствовали их правонарушениям, помогает закон о правонарушениях среди взрослых.

Глядя на этих ожесточившихся маленьких людей, испытываешь чувство извинения за то, что воспитательные силы не смогли проникнуть в их первое незнание жизни до того, как оно закалилось до бесчувствия, и понимаешь, что, что бы ни было сделано для них впоследствии, из-за этого раннего пренебрежения они, вероятно, всегда останутся

невосприимчивыми к более мягким сторонам жизни, как будто порок раскалил их нежные умы добела. Наше государственное школьное образование настолько универсально, что если все учителя всерьез возьмутся обучать всю американскую молодежь этому важнейшему аспекту жизни, то почему бы им со временем не приучить своих учеников к постоянству и самодисциплине, как они уже приучают их умы к знаниям по многим другим вопросам? Безусловно, крайняя молодость жертв белого работорговли, как мальчиков, так и девочек, накладывает большую ответственность на образовательные силы общества.

Государство, поддерживающее государственную школу, также приходит на помощь детям с помощью защитного законодательства. Это еще одна иллюстрация того, что начало социального прогресса часто является результатом усилий по защите самых слабых и наименее защищенных членов общества. Широко распространенное движение, направленное на защиту детей от преждевременного труда, также запрещает им заниматься профессиями, в которых они подвергаются моральным опасностям. В последнее время несколько американских городов были сильно обеспокоены соблазнами, которым постоянно подвергаются мальчики-посыльные, разносчики и газетчики, когда их бизнес приводит их в порочные районы. Чикагская комиссия по борьбе с пороком обращается к этим "детям ночи" с просьбой защитить их законом от соблазнов, которым они еще слишком молоды и не обучены противостоять. Нью-Йорк и Висконсин - единственные штаты, где возраст мальчиков-посыльных, работающих поздно ночью, увеличен до двадцати одного года. При неадекватном шестнадцатилетнем ограничении, которое регулирует ночную работу детей в Иллинойсе, мальчики постоянно попадают в беду из-за своего знакомства с социальным злом. Один из них, хрупкий семнадцатилетний мальчик, был устроен в службу посыльных своими родителями, когда семейный врач порекомендовал ему работать вне дома. Поскольку он был хорошо воспитан и симпатичен, он стал особенно популярен среди обитателей неблагополучных домов. Они давали ему чаевые по доллару и больше, когда он возвращался с поручений, которые выполнял для них, например, покупал конфеты, кокаин или морфий. Он неизбежно был польщен их вниманием и доволен собственной популярностью. Хотя его мать знала, что его обязанности посыльного иногда приводили его в неблагоприятные дома, она горячо надеялась, что его раннее воспитание поможет ему оставаться честным, но в конце концов поняла, что глупо подвергать незрелого юношу этим соблазнам. В отчете комиссии по делам несовершеннолетних приводится множество подробных примеров подобного опыта со стороны других ребят, одним из которых был старшеклассник, который просто подрабатывал посыльным во время рождественской суеты.

Принятые в Бостоне, Нью-Йорке, Цинциннати, Милуоки и Сент-Луисе правила по защите этих детей могут быть лишь прогнозом той заботы, которую город наконец-то научится проявлять к молодежи, подверженной особым искушениям. Поскольку различные попытки Чикаго добиться принятия адекватного законодательства для защиты детей, торгующих на улицах, не увенчались успехом, инциденты, подобные следующему, не только произошли однажды, но и постоянно повторяются: маленькая симпатичная девочка, единственный ребенок овдовевшей матери, продавала газеты после уроков с семи лет. Поскольку ее дом находился неподалеку от порочного квартала, а люди в неприличных гостиницах редко просили сдачу при покупке газеты и добродушно дарили ей множество маленьких подарков, мать разрешила ей обзавестись клиентурой в округе на том основании, что она еще слишком мала, чтобы понять, что может увидеть. Это постоянное знакомство, несмотря на предостережения матери не разговаривать с клиентами, неизбежно привело к тому, что подрастающая девочка настолько испортилась, что в четырнадцать лет она стала обительницей одного из домов. Похожий случай произошел с тремя маленькими девочками, которые обычно продавали жвачку в одном из сегрегированных районов.

Поскольку им неоднократно отказывали добросердечные полицейские, считавшие, что они не должны находиться в таком районе, каждая из этих детей получила специальное разрешение от мэра города, чтобы оградить себя от "полицейского вмешательства". Хотя на самом деле мэр не имел полномочий выдавать такие разрешения, естественно, что бумажка с его именем, которую показывал ребенок, пресекала действия полицейского. Этот инцидент стал еще одним примером старого конфликта между ошибочной добротой к отдельному ребенку, нуждающемуся в деньгах, и соблюдением правил, которые могут показаться временными трудностями для одного ребенка, но уберегут сотню других от занятий, которые могут привести только в тупик. Поскольку такие профессии неизбежно приводят к увеличению числа безработных, сама система образования должна быть поставлена под сомнение.

Недавно королевская комиссия рекомендовала английскому парламенту "сократить разрешенные законом часы для работы мальчиков, обязать их проводить освободившиеся часы в физической и технологической подготовке, чтобы прекратить производство безработных". Безусловно, мы вправе требовать от нашей системы образования, чтобы интерес и способности каждого ребенка, покидающего школу и поступающего на работу, были изучены с учетом типа работы, которую он собирается выполнять. Когда профессиональные бюро будут должным образом связаны со всеми государственными школами, у девочки будет разумная отправная точка в ее трудовой жизни и место, куда она сможет обратиться в случае необходимости за помощью и советом в течение тех долгих и опасных периодов безработицы, которые сейчас так пагубно влияют на ее характер".

Эта же британская комиссия разделила всех безработных, безработных и безработных на три типа профессий: во-первых, субсидированные рабочие профессии, где женщинам и детям платят зарплату, недостаточную для поддержания их на требуемом уровне здоровья и производственной эффективности, так что их зарплата должна дополняться родственниками или благотворительностью; во-вторых, профессии, ухудшающие труд, которые истощают энергию, способность, характер рабочих; в-третьих, профессии, ведущие голый образ жизни, где рабочий вынужден опускаться до такого низкого уровня, что его уровень жизни постоянно падает ниже уровня самообеспечения. В Америке существует множество профессий этих трех типов, и все они требуют работы от молодых и необученных девушек. И все же, несмотря на очевидные опасности, подстерегающие каждую девочку, поступающую в одну из них, мало что делается для того, чтобы направить множество детей, ежегодно преждевременно покидающих школу, на разумные профессии.

Несомненно, средний американский ребенок получил более дорогое образование, чем ребенок любой другой нации. Девочки, работающие в универмагах, учатся в государственных школах в среднем восемь лет, в то время как даже фабричные девочки, которые так часто бросают школу с младших классов, в среднем получают шесть и два десятых года образования за государственный счет, прежде чем они вступят в промышленную жизнь. Конечно, общество, которое так многого добилось, могло бы обеспечить им помощь и надзор в течение шести с половиной лет, что является средней продолжительностью трудовой деятельности рабочих девушек. Государство вполне могло бы взяться за это, хотя бы для того, чтобы сохранить свои прежние инвестиции и уберечь их от полной потери.

Наше поколение, которое, как говорят, с новым энтузиазмом относится к возможностям детской жизни и вкладывает новый смысл в выражение "права ребенка", может, наконец, набраться смелости и настоять на праве ребенка на благополучное рождение и начало жизни с его крошечным телом, свободным от болезней. Безусловно, с этим новым

пониманием детской жизни и частью того же движения связана новая наука евгеника с ее недавно назначенными университетскими профессорами. Организованные ею общества публикуют все больше и больше информации о том, что является наследственностью хорошо рожденных детей. Когда эта новая наука разъяснит общественности, что те болезни, которые являются прямым результатом социального зла, несомненно, ответственны за деградацию расы, наконец-то может возникнуть действенное возмущение как против предотвратимой детской смертности, за которую ответственны эти болезни, так и против того ужасного факта, что выжившие среди этих больных детей заражают своих сверстников и передают злое наследие другому поколению. Общественные общества по профилактике слепоты постоянно распространяют информацию об уходе за новорожденными детьми и, возможно, наконец-то ответят на старый, запутанный вопрос: "Согрешил ли этот человек или его родители, что он родился слепым?" Такие знания становятся все более распространенными с каждым днем, и растущий интерес к благополучию младенцев должен со временем отразиться на самом существовании социального зла.

Эта новая забота общества о благополучии маленьких детей в некоторых американских городах привела к появлению муниципальных молочных продуктов, во многих немецких городах - бесплатных больниц и яслей. Нью-Йорк, Чикаго, Бостон и другие крупные города каждое лето нанимают сотни медсестер, чтобы обучать матерей из доходных домов уходу за маленькими детьми. Несомненно, весь этот энтузиазм в отношении воспитания детей наконец-то пробудит общественное мнение в отношении передачи одного типа болезни, которую тысячи детей ежегодно наследуют, и которая напрямую связана с порочной жизнью их родителей, бабушек и дедушек. Это убийство невинных, это причинение страданий новорожденным настолько беспричинно и несправедливо, что вопрос времени, когда в защиту этих детей сыграет возмущенное чувство справедливости. Но еще до того, как помощь придет благодаря рыцарским чувствам, правительственные и муниципальные учреждения откажутся тратить деньги налогоплательщиков на облегчение страданий младенцев, когда с помощью тех же полномочий они могли бы легко предотвратить возможность появления на свет ребенка с такими страданиями. Очевидно, что средний налогоплательщик был бы готов потребовать уничтожения той формы порока, которая объявлена незаконной, хотя она все еще процветает при попустительстве чиновников, если бы он однажды ясно осознал, что именно она ответственна за существование этих болезней, которые обходятся ему так дорого. Только его невежество заставляет его бездействовать до тех пор, пока каждая жертва белого работорговли не будет отомщена до третьего и четвертого поколения тех, кто ее купил. Вполне возможно, что сам налогоплательщик будет утверждать, что, поскольку государство не узаконивает брак без официально зарегистрированной лицензии, чтобы статус детей был четко определен, государству необходимо сделать еще один шаг в том же направлении - потребовать от соискателя разрешения на брак справку о состоянии здоровья, чтобы в определенной степени гарантировать здоровье будущих детей. Независимо от того, можно ли предсказать этот шаг или нет, само обсуждение этого вопроса свидетельствует об изменении общественного мнения, как и тот факт, что подобное законодательство уже принято в двух штатах, которые только сейчас приводят в действие рекомендацию, данную много веков назад такими социальными философами, как Платон и сэр Томас Мор. Чувство справедливости, возмущенное бессмысленным уничтожением новорожденных детей, со временем может объединиться с горячим приливом энтузиазма в деле воспитания детей, пока старые барьеры молчания и бездействия, за которыми так долго укрывалось социальное зло, наконец, не сдадутся.

Несомненно, скоро выяснится, что чувство жалости, так недавно пробудившееся по всей стране в отношении жертв белого работорговли, будет совершенно неспособно обеспечить им защиту, если оно не станет частью правительства. Не исключено, что мы находимся накануне серии законодательных актов, аналогичных тем, которые были приняты в результате попыток регулирования детского труда. На протяжении всего прошлого столетия, в предвкушении грядущих перемен, которое так способствует переменам, друзья детей неуклонно занимались созданием нового государства, начиная с первого закона о детском труде, принятого английским парламентом в 1803 году, и заканчивая окончательным принятием так называемой детской хартии в 1909 году. За долгий век превращения жалости в политические действия была создана та социальная симпатия, которая стала одной из величайших сил в современном законодательстве и к которой мы можем с уверенностью апеллировать в этом новом крестовом походе против социального зла.

Еще один момент сходства с движением за детский труд очевиден, поскольку друзья детей рано обнаружили, что им нужно много статистической информации и что великая проблема потенциального реформатора заключается не столько в преодолении фактического сопротивления - время постепенно делает это за него, - сколько в получении и формулировании точных знаний и вписывании этих знаний в тенденцию своего времени. С этой точки зрения и на основе того, что уже было сделано для "защиты несовершеннолетних", многие недавние расследования, которые выявили крайнюю молодость жертв белого работорговли, должны сделать законодательство в их интересах еще более осуществимым. Конечно, ни один реформатор не сможет более обоснованно обратиться с эмоциональным призывом к высшей чувствительности общества.

В домах спасения, недавно открытых в Чикаго Комитетом по борьбе с белым работорговлей Лиги клубов округа Кук, нежный возраст маленьких девочек, которых туда привозили, ужаснул представительниц клуба больше, чем любой другой аспект ситуации. Многие маленькие обитательницы дома хотели играть с куклами, и некоторые из них принесли с собой кукол, которых они хранили при себе на протяжении всех своих злоключений. При мысли об этих маленьких детях, попавших в ловушку и подвергшихся разврату, когда они еще достаточно малы и имеют полное право на защиту и заботу, сердце буквально разрывается. Совсем недавно я посетил дом для полубезумных девочек, против каждой из которых было выдвинуто серьезное обвинение в потере целомудрия. На каждой из маленьких белых кроваток или на одном из жестких стульев, стоящих рядом, лежала кукла, принадлежащая провинившейся хозяйке, еще достаточно юной, чтобы любить и лелеять эту главную игрушку детства. Я приехала в дом, подготовившись к "лекции для воспитанников". Я осталась одевать кукол с горсткой маленьких девочек, которые охотно задавали вопросы о куклах, которыми я владела когда-то в детстве, казавшемся им таким далеким. Глядя на маленьких жертв белой работорговли, вспоминаются жгучие слова доктора Говарда Келли, произнесенные в ответ на требование легализовать это социальное зло и лицензировать его жертв. Он говорит: "Где нам искать пополнения в рядах этих несчастных существ, которые ежегодно гибнут десятками тысяч? Кого из маленьких девочек нашей страны мы выделим для этой торговли? Отметьте их милую невинность сегодня, когда они бегают по нашим улицам и паркам, болтая и играя, вечно занятые пустяками; кого из них мы выхватим, когда они приблизятся к зрелости, чтобы снабжать этот грязный рынок?"

Непостижимо, что нация, главной гордостью которой является бесплатное народное образование, что народ, всегда готовый откликнуться на любой моральный или финансовый призыв, обращенный к детям, должна позволить этому позорному преступлению против детства продолжаться! Только защита всех детей от угрожающих соблазнов, которым их

юность не в состоянии противостоять, не позволит некоторым из них стать жертвами белой работорговли; только когда нравственное воспитание станет эффективным и всеобщим, появится надежда на реальную ликвидацию коммерциализированного порока. Возможно, это иллюстрации той любопытной солидарности, которую так быстро осознает общество.

ГЛАВА V

ФИЛАНТРОПИЧЕСКОЕ СПАСЕНИЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

Несомненно, филантропия часто отражает и драматизирует современную чувствительность общества по отношению к социальному злу, потому что те, кто занимается спасением жертв, способны на своем повседневном опыте понять многие аспекты признанного зла, в отношении которых общество невежественно и, следовательно, безразлично. Каким бы древним ни было зло, в каждом поколении оно должно находить новое воплощение в живых людях, а общественный обычай, в который оно превратилось с годами, должен сохраняться в отдельных жизнях. Если современники таких несчастных не будут тронуты нежностью или возмущены фактическим воплощением старого зла в их собственном поколении, эффективные действия не будут обеспечены.

Это социальное зло в целом получило меньше филантропических усилий, чем любая другая общепризнанная угроза обществу, в основном потому, что есть что-то особенно неприятное и мучительное в личном знакомстве с его жертвами; неприятное и мучительное, которое иногда приводит к настоящему нервному срыву. Один выдающийся англичанин недавно написал, "что трезвомыслящие люди, которые из чувства жалости смотрели в лицо этому отвратительному злу, часто утверждали, что ничто в их опыте, казалось, не угрожало им такой потерей рассудка".

Тем не менее, это сравнительное отсутствие филантропических усилий тем более примечательно, что средний возраст вербовщиков в проституцию составляет от шестнадцати до восемнадцати лет - возраст, в котором девушки еще являются несовершеннолетними по закону в отношении всех имущественных вопросов. Мы позволяем несовершеннолетней самой решать, будет ли она жить этой отвратительной жизнью, хотя, если она решит стать воровкой, ее, по возможности, задержат и посадят в тюрьму; если она станет бродягой, ее будут сдерживать; даже если она станет профессиональной нищенкой, ей будут мешать; но решение вести эту дурную жизнь, губительную как для нее самой, так и для общества, хотя оно хорошо известно полиции, открыто разрешается. Если мужчина воспользовался моментом слабости девушки и получил ее согласие, то, несмотря на то, что впоследствии она может остро нуждаться в помощи, она оказывается вне всякой защиты закона. Суды исходят из того, что такая девушка сознательно приняла решение и что, поскольку она не является "обладательницей прежней целомудренной жизни и характера", она потеряна для всех приличий. Однако каждый человек в глубине души знает, что его собственная нравственная энергия то убывает, то убывает, что о нем нельзя судить справедливо по его часам поражения и что после проявления слабости, хотя он потрясен и напуган, он остается тем же человеком, борющимся так же, как и раньше. Тем не менее в некоторых штатах девочка в возрасте десяти лет может сама принять это бесповоротное решение.

Современная филантропия, постоянно открывающая новые аспекты проституции с помощью экономики, санитарных наук, статистических исследований и многих других агентств,

обнаруживает, что этот рост знаний неизбежно приводит ее от попыток спасти жертв белого рабства к рассмотрению вопроса об отмене самого чудовищного порока. В настоящее время филантропия постепенно подталкивается к рассмотрению проституции в связи с благосостоянием и упорядоченным существованием самого общества. Если временами кажется, что нравственный огонь угасает в некоторых старых добрых словах, таких как благотворительность, то он наполняет новым теплом такие слова, как социальная справедливость, которые принадлежат исключительно нашему времени. Верно и то, что те, для кого эти слова несут больше всего надежды и тепла, - это те, кто уже давно не вспоминает о старых задачах и обязательствах, как будто великая базовая эмоция человеческого сострадания более чем устояла. Конечно, молодость многих жертв белого работорговли и беспомощность девушек постарше, оказавшихся в тисках огромной силы, которую они не в силах постичь, вызывают жалость. Кроме того, благотворительность позволяет обнаружить множество молодых девушек, которые, если бы их не спасли защитные агентства, стали бы постоянными изгоями, хотя и вступили бы в неблагополучную жизнь не по своей вине.

Все иллюстрации в этой главе взяты из материалов Ассоциации защиты несовершеннолетних Чикаго в связи с ее усилиями по спасению девочек от непреодолимого искушения. Несомненно, многие другие ассоциации могли бы дать столь же убедительные свидетельства, поскольку за последние годы число людей, для которых само существование белого работорговли стало невыносимым и которые решительно выступают против нее, чрезвычайно возросло.

Удивительно много деревенских девушек были привезены в Чикаго под ложным предлогом или были вовлечены в порочную жизнь вскоре после прибытия в город. По оценкам мистера Клиффорда Роу, более половины девушек, которые были завербованы для непристойной жизни в Чикаго, приехали с ферм и из небольших городов Иллинойса и соседних штатов. Эта оценка подтверждается записями Парижа и других мегаполисов, в которых, по всеобщему мнению, чуть меньше трети проституток, встречающихся в них в любой момент времени, являются уроженками города.

Опыт одной симпатичной девушки, обратившейся в офис Ассоциации защиты несовершеннолетних год назад, довольно типичен для аргументов, которые приводят многие из этих деревенских девушек в свою защиту. Эта девушка работала горничной в гостинице в одном из городов штата Айова, где многие из путешествующих постояльцев гостиницы занимались с ней любовью, а один из них время от времени предлагал ей защиту, если она уйдет с ним. Сначала она возмущенно отказывалась, но со временем убедилась, что принятие подобных предложений, должно быть, весьма распространенная практика и что, какими бы ни были обычаи в деревне, в городе никто не наводит справки. В конце концов она согласилась сопровождать молодого человека в Сиэтл - и потому, что ей хотелось путешествовать, и потому, что она была обескуражена своими попытками "быть хорошей". Через несколько недель, оказавшись в Чикаго, она покинула молодого человека, действуя, как она считала, из соображений чести, поскольку его приглашение было ограничено поездкой, которая теперь была завершена. Чувствуя себя слишком опозоренной, чтобы вернуться домой, и прикрываясь бездельем, которое она вела, она добровольно отправилась в неприличный дом, где ее нашла полиция и отправила в Ассоциацию. Ее не могли убедить отказаться от своего плана, но она согласилась подождать несколько дней, чтобы "все обдумать". Когда она выходила из офиса в компании с представителем Ассоциации, они встретили молодого человека, который рассеянно искал ее и только что обнаружил ее

местонахождение. В тот же день она вышла замуж, и, разумеется, Ассоциация больше никогда ее не видела.

С точки зрения торговцев белыми рабынями, гораздо дешевле и безопаснее приобретать деревенских девушек после того, как они попадают в город. Такие девушки находятся в постоянной опасности, потому что их гораздо легче спрятать, чем девушек, приобретенных в городе. Деревенская девушка, вступающая в порочную жизнь, быстро чувствует позор и вскоре становится слишком разбитой и обескураженной, чтобы предпринять какие-либо усилия для побега в неизвестный город, который, по ее мнению, полон ужасов, подобных тем, с которыми она уже сталкивалась. Прежде всего она желает обмануть свою семью дома, регулярно посылая им деньги и сочиняя письма, в которых описывает выдуманную жизнь, полную тяжелой работы. Пожалуй, самым вопиющим случаем, с которым Ассоциация когда-либо имела дело, был случай с двумя молодыми девушками, приехавшими в Чикаго из деревни в Западной Вирджинии в надежде заработать большие деньги, чтобы помочь своим семьям. Они прибыли в город без гроша в кармане, так как по дороге у них украли единственный кошелек. Когда они стояли на вокзале в полном недоумении, к ним подошел молодой человек, который предъявил рекламную карточку пансиона и предложил отвезти их туда. Они вполне невинно приняли его приглашение, но через час, оказавшись в запертой комнате, испугались и поняли, что их обманули. К счастью, двум проворным деревенским девушкам не составило труда выпрыгнуть из окна второго этажа, но на улице они, конечно, были слишком напуганы, чтобы снова с кем-то разговаривать, и несколько часов бродили по улице. На доме, из которого они сбежали, висела табличка "Сдаются комнаты", и поэтому они старательно избегали всех домов, на которых висели объявления с предложением убежища. Наконец, отчаявшись от голода, они зашли в салун за "бесплатным обедом", ничуть не подозревая, что для его получения им придется выпить. Полицейский, увидев двух молодых девушек в салуне "без сопровождения", арестовал их и отвез в ближайший участок, где они провели ночь в убогой камере.

На следующее утро на слушаниях, где они, сильно напуганные, дали весьма бессвязный рассказ о своих приключениях, судья оштрафовал их на пятнадцать долларов и издержки, а поскольку они были не в состоянии заплатить штраф, их было решено отправить в городскую тюрьму. Когда их выводили из зала суда, к ним подошел другой человек и предложил заплатить штраф, если они пойдут с ним. Напуганные своим прежним опытом, они решительно отказались от его помощи, но были слишком убеждены его наглядным изображением тюремных ужасов и позора, который их заключение навлечет на "домашних". Он также дал понять, что, когда они выйдут из тюрьмы через тридцать дней, им будет не лучше, чем сейчас, кроме того, что на них ляжет дополнительное клеймо тюремных преступников. В конце концов девочки неохотно согласились пойти с ним, когда представитель Ассоциации защиты несовершеннолетних, который следил за ними из зала суда и слушал разговор, настоял на скорейшем аресте белого работоторговца. Когда судье рассказали всю историю, полученную от девочек, он отменил свое решение, оштрафовал мужчину на 100 долларов, которые тот с избытком смог заплатить, и настоял на том, чтобы девочек отправили обратно к их матерям в Вирджинию. Это были дочери фермеров, сильные и способные позаботиться о себе в понятной им обстановке, но подвергавшиеся постоянной опасности из-за незнания городской жизни.

Методы, используемые для привлечения городских девушек, должны быть гораздо более тонкими и сложными, чем те, что применялись к менее искушенным деревенским девушкам. Хотя городская девушка, которую удалось заполучить, впоследствии получает больше свободы, чем деревенская или иммигрантка, делается все возможное, чтобы полностью

деморализовать ее еще до того, как она вступит в жизнь. Поскольку она может в любой момент сбежать в город, который она так хорошо знает, необходимо получить ее внутреннее согласие. Те, чьей профессией является добыча девушек для белой работорговли, очевидно, находят возможность легко обмануть и деморализовать ту городскую девушку, чья потребность в отдыхе привела ее в неблагоприятный общественный танцевальный зал или другие сомнительные места развлечений.

Постепенно филантропические агентства, которые стараются быть полезными для девочек, узнают об опасностях, подстерегающих их в этих местах. Многие родители совершенно равнодушны или не знают о тех удовольствиях, которые находят для себя их дети. С тех пор как этим детям исполнилось пять лет, такие родители привыкли видеть, как они сами заботятся о себе на улице и в школе, и кажется вполне естественным, что когда дети становятся достаточно взрослыми, чтобы зарабатывать деньги, они должны иметь возможность сами находить себе развлечения.

Девочек привлекает в нерегулируемые танцевальные залы не только любовь к удовольствиям, но и чувство авантюризма, и именно в этих местах их легче всего завербовать для порочной жизни. К сожалению, в Чикаго насчитывается триста двадцать восемь общественных танцевальных залов, сто девяносто из них напрямую связаны с салунами, а в большинстве остальных открыто продается спиртное. Такое употребление спиртного чрезвычайно увеличивает опасность для молодых людей. Девушке после долгого рабочего дня легко внушить, что выпивка развеет ее уныние. Времени между танцами достаточно, чтобы убедить ее в этом, ведь антракты длинные, от пятнадцати до двадцати минут, а танцы короткие, занимающие всего четыре-пять минут; кроме того, в залах жарко и пыльно, и почти невозможно получить питьевую воду. Часто вся цель танцевального зала с его тщательно продуманными антрактами заключается в продаже спиртного людям, которых он собрал. После того как девушка начала пить, путь сводника, который часто находится в союзе с "болтуном", часто посещающим танцевальный зал, сравнительно прост. Он берет на себя одну из двух ролей: сочувствующего пожилого мужчины или жаждущего молодого любовника. В первом случае он говорит "опустившейся работяге", что ее зарплата ничтожна и что он может найти для нее лучшее место с более высокой зарплатой, если она доверится ему. Он часто ссылается на поношенность или дешевиизну ее одежды и считает, что "жаль, что такая красивая девушка не может одеваться лучше". Во второй роли он, по-видимому, влюбляется в нее, рассказывает о своих богатых родителях, жалуется, что они хотят, чтобы он женился на "светской шишке", но на самом деле он предпочитает такую же рабочую девушку, как она сама. В любом случае он устанавливает дружеские отношения, возвышающиеся в сознании девушки, благодаря возбуждению от спиртного и танцев, до нового чувства интимного понимания и защиты.

Позже вечером она уходит с ним из зала в ресторан, потому что, как он правдиво говорит, она устала и нуждается в еде. Однако за ужином она выпивает гораздо больше, и неудивительно, что в конце концов ее убеждают, что возвращаться домой уже поздно, и в итоге она соглашается провести остаток ночи в ближайшем ночлежном доме. Недавно шесть молодых девушек, каждую из которых сопровождал "шпилер" из танцевального зала, проследили до ресторана chop suey, а затем до ночлежного дома, куда нагрянула полиция и где были обнаружены шесть девушек в состоянии сильного или слабого опьянения. Если никто не спасает девушку после такого опыта, она иногда вообще не возвращается домой, а если возвращается, то чувствует себя посвященной в новый мир, где можно достать деньги по своему желанию, легко получить удовольствия, которые они приносят, и в конце концов начинает считать себя выше своих менее искушенных товарищей. Разумеется, такое

состояние души не может длиться долго, и вскоре девушку открыто уличают в неблагоприятном образе жизни.

Девушки, посещающие дешевые театры и водевильные шоу, чаще всего идут на поводу у своего тщеславия. Они с готовностью слушают о триумфах сценической карьеры, которых непременно достигнет такой "красавчик", и многие из них следуют за молодым человеком к женщине, с которой он состоит в партнерстве, под обещание быть представленными театральному менеджеру. Существуют также театральные агентства, сотрудничающие с неблагоприятными заведениями, которые размещают объявления о поиске хорошеньких девушек, обещая большие зарплаты. Такое агентство, сотрудничающее с известным "близким театром" в столице штата, недавно было привлечено к ответственности в Чикаго, и его лицензия была отозвана. В этой связи опыт двух молодых англичанок не является чем-то необычным. Это были сестры, обладающие необыкновенным мастерством жонглирования, которых привез в эту страну родственник, выступавший в качестве их менеджера. Хотя он эксплуатировал их в своих интересах в течение трех лет, выплачивая им самое мизерное жалованье и обеспечивая им самый простой быт в городах, где они "гастролировали", он оберегал их от всякой безнравственности, и они сохранили чистоту жизни семьи акробатов, к которой принадлежали. В октябре прошлого года, выступая в Сан-Франциско, девушки, которым тогда было шестнадцать и семнадцать лет, потребовали увеличить зарплату по сравнению с долларом и двадцатью центами в неделю, которые они получали за пять шиллингов, с которыми они начали выступать дома. Управляющий, удрученный американским опытом, отказался удовлетворить их требования, дал им по билету до Чикаго и бесцеремненно бросил их на произвол судьбы. Прибыв в город, они, естественно, сразу же обратились в театральное агентство, через которое их направили в неприличный дом, где каждый вечер давали водевильную программу. Обрадованные тем, что так быстро нашли работу, они добросовестно согласились. Однако во время первого же представления они испугались поведения девушек, выступавших перед ними в программе, и веселья зрителей. Им удалось сбежать из гримерки, где они ждали своей очереди, и на улице обратиться к первому попавшемуся полицейскому, который доставил их в Общество защиты несовершеннолетних. Их продержали несколько дней в качестве свидетелей против театрального агентства, вступив в судебное преследование с тем характерным британским духом, который всегда готов протестовать против навязывания, прежде чем они покинули город с путешествующей труппой, каждый из которых получал еженедельное жалованье в двадцать долларов.

Методы, применяемые на экскурсионных судах, похожи на методы, применяемые в танцевальных залах, в том смысле, что приличных девушек склоняют к употреблению непривычных для них количеств спиртного. В открытом море спиртное продается, как правило, в оригинальных упаковках, что значительно увеличивает количество потребляемого. Нередко можно увидеть, как парень и девушка выпивают между собой целую бутылку виски. Некоторые из этих экскурсионных судов вмещают пять тысяч человек, и в условиях легкого нарушения приличий, которые часто подразумевает отдых, и отсутствия полиции, к чему городская молодежь не привыкла, часто допускается максимальная свобода и вольность. Таким образом, экскурсии на озеро, одна из самых восхитительных возможностей для отдыха в Чикаго, из-за отсутствия надлежащей полиции и продажи спиртных напитков становятся угрозой для тысяч молодых людей, для которых они должны быть большим подспорьем.

Когда филантропическая ассоциация, зная о коммерческой эксплуатации естественной реакции молодежи на веселую обстановку, пытается заменить невинный отдых, она

сталкивается с большими трудностями. В Чикаго Ассоциация защиты несовершеннолетних после тщательного исследования общественных танцевальных залов, парков развлечений, пятицентовых театров и экскурсионных лодок настаивает на более строгом соблюдении существующего законодательства, а также призывает к дальнейшему правовому регулированию; в Канзас-Сити создан Департамент общественного благосостояния, уполномоченный регулировать места развлечений; комитет Нью-Йорка создал образцовые танцевальные залы; Милуоки призывает к назначению комиссий по общественному отдыху, а Нью-Йорк и Колумбус уже создали их.

Возможно, в реальной жизни нет ничего более ценного, чем маленькие парки Чикаго, в которых большие залы используются каждый вечер для танцев и где спортивные площадки на открытом воздухе, бассейны и гимнастические залы ежедневно привлекают тысячи молодых людей. До тех пор, пока в городах не будут созданы подобные условия для молодежи, те, кто продает места для развлечений с целью получения прибыли, будут продолжать эксплуатировать нормальное стремление всех молодых людей к отдыху и удовольствию. В настоящее время в городе Чикаго проживает восемьсот четырнадцать тысяч несовершеннолетних, жаждущих развлечений. Неудивительно, что коммерческое предприятие берется удовлетворить этот спрос и что грошовые аркады, игровые автоматы, магазины сладостей, салоны мороженого, киносеансы, катки, дешевые театры и танцевальные залы пытаются привлечь молодежь всеми средствами, известными современной рекламе. Их промоутеры, конечно же, не заботятся о моральном воздействии на своих юных клиентов, если им удастся сохранить их деньги. Пока муниципальные власти не удовлетворяют эту потребность, филантропические и общественные организации должны заниматься созданием более адекватных мест отдыха.

Хотя многие опасности подстерегают девушку, любящую удовольствия и требующую, чтобы каждый вечер она отдыхала, большое количество девушек сталкивается с трудностями и соблазнами, находясь в трезвом состоянии на работе. Многие из этих искушенных девушек - новоприбывшие иммигрантки в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, которые находят свою первую работу в отелях. Польских девушек особенно часто используют на гостиничных кухнях и в прачечных, а также для бесконечной уборки холлов и вестибюлей, где знание английского языка не требуется, но где востребована их крестьянская сила. Работа очень тяжелая и изнурительная, и пока закон штата Иллинойс не ограничил женский труд десятью часами в день, он часто затягивался до глубокой ночи. Даже сейчас девушки сообщают, что настолько устали, что в конце дня толпятся в общежитиях и падают на кровати не раздеваясь. Когда им дают еду и кров, их зарплата составляет от 14 до 18 долларов в месяц, большая часть которой обычно отправляется обратно в старую страну, чтобы оставшиеся члены семьи могли перебраться в Америку. Такие должности окружены всевозможными соблазнами. Даже гостиничные экономки, которые честно пытаются защитить девушек, признают, что сделать это должным образом невозможно. Одна из таких домработниц недавно сказала, "что для работы в любом отеле нужна девушка, знающая мир", и выразила сожаление, что искушенная англоговорящая девушка, которая могла бы защитить себя, не в состоянии выдержать тяжелую работу. Она добавила, что как только девушка выучит английский, она переводит ее из прачечной в залы, а оттуда - на должность горничной, но последняя должность была самой опасной из всех, так как девушки постоянно подвергались оскорблениям со стороны постояльцев. В менее респектабельных отелях эти новоприбывшие девушки-иммигрантки, неизбежно видящие многое из жизни преступного мира и очевидную легкость, с которой деньги можно заработать незаконным путем, сталкиваются с тем, что первое впечатление о моральных нормах жизни в Америке вызывает у них недоумение. Одна молодая польская девушка два года проработала в одном из отелей

в центре города и стойко сопротивлялась всем неправомерным ухаживаниям, даже иногда с помощью своего мощного кулака. В конце концов она уступила предложениям окружающей жизни, когда получила телеграмму с острова Эллис, в которой говорилось, что ее мать прибыла в Нью-Йорк, но слишком больна, чтобы отправить ее в Чикаго. Все ее деньги ушли на билет на пароход, и, поскольку мысль о матери, больной и одинокой среди чужих людей, была слишком тяжела для ее долгой стойкости, она заключила выгодную сделку с официантом, чьим навязчивым просьбам она до сих пор сопротивлялась, приняла маленький кошелек, который собрали для нее другие польские девушки в отеле, и прибыла в Нью-Йорк, только чтобы узнать, что ее мать умерла накануне вечером.

Простое послушание родителям со стороны этих девушек-иммигранток, работающих в отелях и ресторанах, часто оборачивается плачевно. Их неиспорченная человеческая природа, еще не восприимчивая к ядам городской жизни, попадая в среду той неослабевающей рутины, которая лежит в основе всей сложной роскоши, часто приводит к самым фатальным реакциям. Молодая немка, владелица успешного "дома" в самом печально известном районе Чикаго, объясняет свою карьеру отчаянной попыткой соответствовать стандарту "приносить домой хорошую зарплату", которого придерживались ее многочисленные братья и сестры. Одно из требований ее дома было жестким: все деньги, заработанные ребенком, должны поступать в доход семьи до достижения "законного возраста". Слегка невротичная, очень симпатичная девушка семнадцати лет от души ненавидела мытье посуды в ресторане, который стал ее первым местом работы в Америке, и совершенно искренне заявляла, что поднимать тяжести ей не под силу. Дома такое неподчинение не терпели, и каждый субботний вечер, когда ее мизерную зарплату, уменьшенную из-за больничных дней, сравнивали с тем, что приносили другие, ее регулярно ругали, "иногда шлепали" родители, подтрунивали над ней более энергичные сестры и издевались братья. Она пыталась сократить время работы, выполняя "срочную работу" официантки в полдень, но это оказалось ей не по силам, и, что хуже всего, зарплата в два доллара с половиной не удовлетворяла ее мать. Рассказав о своих проблемах другим официанткам, одна из них добродушно поведала ей, как она может заработать деньги, устроившись в соседний неприличный отель, и таким образом унести домой увеличенную сумму, которую легко назвать "прибавкой к зарплате". Привычка к послушанию оказалась настолько сильной, что девушка продолжала брать деньги домой каждую субботу вечером вплоть до своего восемнадцатилетия, несмотря на то, что она бросила ресторан менее чем через шесть недель после своего первого опыта. Хотя все это произошло десять лет назад и мать-немка давно умерла, дочь с горечью закончила рассказ позорной надеждой, что "старушка сейчас испытывает муки заблудших за то, что сделала меня такой, какая я есть". Такая девочка подвергалась искушениям, которым общество не имело права ее подвергать.

Опасный цинизм в отношении ценности добродетели, цинизм, который никогда не бывает так нелюбезен, как в юности, иногда овладевает девушкой, которая из-за долгой работы и переутомления не смогла сохранить ни здоровье, ни настроение и потеряла всякую радость жизни. О том, что этот преждевременный цинизм может быть связан с несчастным и узким детством, говорит тот факт, что многие из этих девушек происходят из семей, в которых не было особой привязанности и бедного заменителя родительской тирании.

Молодая итальянка, зарабатывавшая четыре доллара в неделю в портновской мастерской, перешивая гастинги, на вопрос, почему в один из самых жарких дней прошлого лета она надела тяжелое шерстяное платье, ответила, что вынуждена зарабатывать деньги на одежду, подтирая соседям после работы; что в последнее время она не нашла такой работы и что

отец не позволяет ей ничего из ее зарплаты на одежду или на проезд, потому что он покупает дом.

Этот родительский контроль, иногда осуществляемый для того, чтобы обеспечить всю зарплату дочери, часто устанавливается из самых лучших побуждений. Я вспоминаю одну французскую портниху, которая экономно содержала двух своих дочерей до тех пор, пока они не достигли трудоспособного возраста, и тогда она вполне естественно ожидала, что они будут соответствовать тем бережным привычкам в жизни, которые были необходимы в ее узкие годы. Чтобы сэкономить на проезде, она заставляла своих дочерей ходить пешком на большое расстояние в универмаг, где одна была упаковщицей свертков, а другая - продавцом на ленточном прилавке. Они одевались в черное, как в самый экономичный цвет, и ни пенни, потраченного на удовольствия, не допускалось. Однажды молодой человек, покупавший ленту у старшей девушки, подарил ей ярд, заметив, что она слишком молода и красива, чтобы одеваться так мрачно. Она носила ленту на работе, никогда, конечно, дома, но это открыло перед ней простор восхитительных возможностей, и на следующей неделе она с готовностью приняла пару перчаток от того же молодого человека, который после этого пригласил ее поужинать с ним. Так началась целая зима тайных удовольствий двух сестер. Они были достаточно проникательны, чтобы никогда не засиживаться дома дольше десяти часов, и всегда приносили матери так называемую сверхурочную плату. Весной старшая девочка, измученная своим распутством и решившая вырваться из дома, пришла в офис Ассоциации защиты несовершеннолетних, чтобы попросить помощи для своей младшей сестры. Выяснилось, что мать была в полном неведении относительно полупрофессиональной жизни, которую вели ее дочери. Она снова и снова повторяла, что всегда тщательно оберегала их и не давала им денег на расходы. Потребовались месяцы постоянных визитов представителя Ассоциации, прежде чем ее удалось убедить относиться к младшей девочке более щедро.

Хотя эта семья довольно типична для тех, в которых чрезмерная сдержанность объясняется отсутствием понимания, верно и то, что в большинстве случаев семейную тиранию проявляет отец из старой деревни, честно пытаюсь оградить дочь от опасностей нового мира. Однако хуже всего те случаи, когда отец погряз в пьянстве и не только требует от дочери всю зарплату, но и обращается с ней с особой жестокостью, когда эта зарплата оказывается ниже его ожиданий. Многие из таких дочерей попали в беду, потому что боялись возвращаться домой вечером, когда в конвертах с зарплатой оказывалось меньше, чем обычно, - либо потому, что новая система сдельной оплаты труда уменьшила сумму, либо потому, что в минуту слабости они вынули пять центов, чтобы сходить на представление, или десять центов за столь желанное удовольствие прокатиться туда-сюда по всей длине надземной железной дороги, или потому, что в минуту жажды достали пять центов на стакан газированной воды, или, что хуже всего, стали жертвой рассрочки на покупку новой шляпки или пары туфель. Эти девочки, в страхе перед побоями и руганью, хотя и уверены в крове и пище и часто имеют мать, которая пытается защитить их от домашних бурь, почти не имеют денег на одежду и неизбежно подвержены моментам откровенного бунта, Их бунт усиливается тем, что после того, как девушка заработала свои собственные деньги и привыкла приходить и уходить с улицы в качестве независимого работника, ей гораздо труднее переносить несимпатичный контроль, чем школьницам того же возраста, которые никогда не ломали привычки своего детства и все еще экономически зависят от своих родителей.

Несмотря на то, что среднестатистическая женщина всегда предлагает домашний труд в качестве альтернативы для работающей девушки, чья жизнь сопряжена с опасностями,

федеральный отчет "Женщины и дети, получающие заработную плату в Соединенных Штатах" называет профессию большинства девушек, попавших в беду, как домашний труд, и в этом он подтверждает опыт каждой матроны в доме спасения и статистику в родильных отделениях государственных больниц. В отчете говорится, что опасность исходит от общих условий работы: "Этими общими условиями являются одиночество жизни, отсутствие возможности завести друзей и обеспечить отдых и развлечения в безопасном окружении, монотонный и неинтересный характер работы, которую выполняют эти необученные девушки, отсутствие внешнего стимула для гордости и самоуважения, а также абсолютно незащитное состояние девушки, за исключением тех случаев, когда она находится под непосредственным наблюдением своей хозяйки".

Помимо этих причин, девушки понимают, что возможности для замужества в домашнем хозяйстве меньше, чем в других профессиях, и, в конце концов, великое дело молодости - найти себе пару, как инстинктивно понимают молодые. В отличие от рабочей девушки, которая живет дома и постоянно встречается с молодыми людьми из своего района и заводской жизни, девушка в домашнем хозяйстве контактирует с очень немногими возможными любовниками. Даже мужчины из числа ее бывших знакомых, пусть и слегка американизированные, не любят зазывать девушку на чужую кухню и считают всю ситуацию неловкой. Хозяйка девушки знает, что для ее собственных дочерей общие интересы и отдых являются естественной основой для дружбы с молодыми людьми, которая может привести или не привести к браку, но является прерогативой каждой девушки. Однако хозяйка не применяет эту житейскую мудрость к служанке, которой всего восемнадцать или девятнадцать лет и которая полностью зависит от нее в общественной жизни, за исключением одного дня и вечера в неделю.

Большинство домработниц работают в семьях, где есть только один человек, и уставшая и удрученная девушка, часто не имеющая склонности к чтению, проводит много одиноких часов. Таким образом, этот самый фундаментальный и мощный из всех инстинктов не имеет шансов на распространение и социальное выражение и, как все ограниченные силы, стремится к вырождению. У девушки нет оружия, с помощью которого она могла бы противостоять ядовитым образам, возникающим под влиянием чувств, и эти образы, порожденные усталостью и одиночеством, делают девушку легкой жертвой. Особенно это касается цветной девушки, к которой в силу ее традиций белые мужчины зачастую относятся с таким неуважением, что она постоянно подвергается оскорблениям. Даже цветная прислуга в нью-йоркских многоквартирных домах, которая живет дома и таким образом избегает этого одиночества, поскольку ее рабочий день длится до девяти часов вечера, вынуждена искать удовольствия до поздней ночи. Американские города предлагают работу большему числу цветных женщин, чем цветных мужчин, и этот избыток женщин, в некоторых городах достигающий ста тридцати или сорока женщин на сто мужчин, дает своднику возможность, которой он быстро пользуется. Часто он вступает в союз с определенными бюро по трудоустройству, которые делают бизнес на оплате железнодорожного или лодочного проезда цветным девушкам, приезжающим с Юга, чтобы поступить на работу в качестве домашней прислуги. Девушку, задолжавшую и не привыкшую к городу, часто помещают в сомнительный дом и держат там до тех пор, пока ее долг не будет выплачен многократно. В некоторых отношениях ее положение не отличается от положения привезенной белой рабыни, поскольку, хотя у нее есть неоценимое преимущество - знание языка, ей еще труднее добиться признания ее истории. Такое пренебрежительное отношение ставит ее в невыгодное положение, ведь цветные девушки в домашнем хозяйстве так часто подозреваются в шантаже, что обычный суд не спешит верить их показаниям, когда они даются против белых мужчин. Сфера занятости цветных девушек крайне

ограничена. Их редко можно встретить на фабриках и в мастерских. Они не востребованы ни в универмагах, ни даже в качестве официанток в отелях. Поэтому большинство из них заняты в домашнем хозяйстве и часто находят должность горничной в доме проституции или горничной в неприличном отеле самой высокооплачиваемой.

Когда девушка, работавшая в качестве домашней прислуги, теряет здоровье или по какой-либо другой причине не может продолжать заниматься своим делом, она часто оказывается в диковинку - ведь у нее было так мало возможностей для нормальных социальных отношений и дружбы. Один из самых печальных случаев, о которых мне довелось узнать лично, произошел с норвежской девушкой-сиротой, которая, приехав в Америку в возрасте семнадцати лет, три года проработала на одной должности общей горничной, причем за это время она получала лишь ту часть зарплаты, которая была необходима ей для простой одежды. По истечении трех лет, когда ее отправили в государственную больницу с нервным истощением, работодатель отказался выплатить ей накопленную зарплату, сославшись на то, что из-за плохого самочувствия она была малополезна в течение последнего года. Когда она вышла из больницы практически без гроша в кармане, врач посоветовал ей найти какую-нибудь работу на свежем воздухе, она продавала запатентованную яйцеварку в течение шести месяцев, едва зарабатывая на самое необходимое и находясь в постоянном страхе, что не сможет "сохранить респектабельность". Когда ее нашли бродящей по улице, у нее не только не было капитала, чтобы пополнить запасы, но она уже два дня была без еды и решила утопиться. Были предприняты все усилия, чтобы вернуть полубезумную девушку к жизни, но, к сожалению, больничные меры не были признаны необходимыми, и через месяц, несмотря на бдительность ее нового работодателя, ее тело было извлечено из озера. Еще одна из тех нежных душ, для которых проблема жизни оказалась неразрешимой, нашла убежище в смерти.

Удивительно много самоубийств происходит среди девушек, работавших в домашнем хозяйстве, когда они обнаруживают, что их предали любовники. Пожалуй, нет ничего более удивительного, чем отношение хозяйки к ситуации, в которой оказалась такая несчастная девушка, и было бы интересно узнать, насколько это отношение повлияло на этих девушек, доведя их до самоубийства или до безрассудного выбора неблагоприятной жизни, которую, как показывает статистика, выбрали очень многие из них. Хозяйка почти всегда сразу же увольняет такую девочку, уверяя ее, что она навсегда опозорена и слишком загрязнена, чтобы оставаться еще хоть на час в хорошем доме. Полностью владея ситуацией, ей обычно удается убедить несчастную девушку в том, что она непоправимо испорчена. Сама ее фраза, хотя она и не знает, является пережитком того раннего исторического периода, когда каждая женщина была обязана защищать свой дом и обеспечивать положение своих детей. Возмущенная женщина пытается в одиночку проявить ту социальную сдержанность, которую должно было проявлять общество и которая, естественно, защитила бы девушку, если бы она не была так отстранена от него, чтобы служить исключительно интересам семьи своей хозяйки. Такая женщина редко следит за погубленной девочкой в течение тоскливых недель после ее увольнения: трудности с поиском любой работы, остракизм бывших друзей, дополняемый ее самобичеванием, нищета и одиночество, последние десять дней в больнице и огромное искушение, которое приходит после этого, - отдать своего ребенка. Фермер с сайта, который наведывается в государственные больницы для таких случаев, говорит ей, что, заплатив сорок или пятьдесят долларов, он будет заботиться о ребенке в течение года, но "возможно, он не проживет дольше этого времени", и если в больнице нет отдела социального обслуживания, такого как в Массачусетской больнице, девушка покидает ее слабой и безвольной, слишком разбитой, чтобы заботиться о том, что с ней будет дальше. Именно в такие моменты многие бедные девушки, убежденные в том, что весь

мир против них, решают поступить в неблагополучный дом. Здесь она хотя бы найдет еду и кров, ее не будут презирать другие обитатели, и она сможет заработать деньги на содержание своего ребенка. Часто адрес такого дома она узнает от одной из своих спутниц в родильном отделении, где среди пятидесяти процентов незамужних матерей всегда можно найти как минимум двух-трех искушенных девушек, стремящихся "образумить" тех, кто просто несчастен. Иногда девушка, последовавшая такому вредному совету, все же настаивает на том, чтобы оставить своего ребенка. Я помню жалкий случай в суде по делам несовершеннолетних Чикаго, когда такая мать пятилетнего ребенка была признана судьей "ненадлежащим опекуном". Мучимой женщине сказали, что она может оставить ребенка, если полностью изменит свой образ жизни; но она настаивала, что такое требование невозможно, что у нее нет других средств к существованию и что она стала слишком праздною и разбитой для постоянной работы. Ребенок жалобно прижимался к матери и, узнав из показаний, что ее считают "плохой", снова и снова уверял судью, что она "самая лучшая мать на свете". Бедная мать, начавшая вести жалкий образ жизни ради своего ребенка, оказалась настолько деморализована своими ужасными переживаниями, что не смогла оставить эту жизнь даже ради ребенка, остававшегося для нее самым дорогим достоянием. Всего шесть лет назад эта мать была честной девушкой, весело работавшей в доме хорошей женщины, чье чувство долга выразилось в том, что она отказалась от "изгоя".

Эти обескураженные девушки, которые так часто приходят из домашнего хозяйства, чтобы удовлетворить потребности порока в городе, на самом деле являются последними представителями тех тысяч преданных девушек, которые в течение многих лет удовлетворяли весь спрос торговли; в то время как сводники того или иного рода выполняли свою работу на протяжении веков, только в последние пятьдесят лет рынок белых рабов потребовал услуг расширенных коммерческих предприятий, чтобы поддерживать предложение. До этого спрос удовлетворялся в основном за счет девушек, которые добровольно вступали в неблагоприятную жизнь, потому что их предавали. Хотя трафик белых рабынь был организован в первую очередь для получения прибыли, он, конечно, никогда не смог бы процветать, если бы не было недостатка в этих обескураженных девушках. Не показательны ли и то, что оставшиеся в живых представительницы девушек, которые раньше обеспечивали спрос, в большинстве своем занимаются именно той профессией, которая наиболее далека от современного идеала социальной свободы и самоопределения? Работа по дому в современном мире в большей степени, чем любая другая доходная профессия, доступная женщинам, представляет собой древние условия труда, в которых развивался и так долго сохранялся женский стандарт целомудрия. Казалось бы, очевидно, что как девушка, чрезмерно сдерживаемая дома, так и девушка, находящаяся на домашней службе, были слишком сильно отстранены от здорового влияния общественного мнения, и по меньшей мере показательны, что домашний контроль настолько разрушился, что девушки, наиболее полно находящиеся под его властью, оказываются в наибольшей опасности. Такое утверждение, несомненно, нуждается в дополнении, поскольку девушки в домашнем хозяйстве часто являются теми, кто не приспособлен к квалифицированному труду и менее всего способен позаботиться о себе, но факт остается фактом: они отстают как в моральном, так и в производственном плане. Как им не хватает производственной дисциплины, которая возникает в результате регулярных часов систематизированной работы, так им не хватает и морального воспитания групповой солидарности, идеалов и ограничений, которые им могли бы принести дружба и общение других работающих девушек.

Когда суждения сверстников станут не менее твердыми, а более доброжелательными, самообеспечивающаяся девушка будет иметь защиту и сдерживание во много раз более эффективные, чем индивидуальный контроль, который стал таким неадекватным, или

семейная дисциплина, которая, при самых лучших намерениях в мире, не может справиться с существующими социальными условиями.

Самые запутанные случаи, с которыми сталкиваются филантропические организации, пытающиеся помочь и спасти жертв белой работорговли, относятся к тому типу, в котором фигурирует девушка, попавшая к работорговцу, когда она была настолько одинока, отрешена и обескуражена, что жадно хваталась за любую предложенную ей дружбу. Такая девушка так жаждет привязанности, что цепляется даже за жалкий симулякр ее, предоставляемый человеком, который называет себя ее "защитником", и она может окончательно оторваться от жизни, к которой он ее привязывает, только когда попадет под влияние более подлинных привязанностей и интересов. Это, несомненно, одна из причин, по которой всегда легче помочь девушке, ставшей матерью ребенка. Хотя она несправедливо сталкивается с общественным мнением, гораздо более суровым, чем то, с которым сталкивается бездетная женщина, также пытающаяся "исправиться", материнская привязанность и материнское участие позволяют ей преодолевать большие трудности легче, чем другой женщине, не имеющей новых теплых мотивов, преодолевать меньшие. Армия спасения в своих домах спасения уже давно осознала эту потребность во всепоглощающем интересе, который должен затрагивать самые глубокие привязанности и эмоции Магдалины, и поэтому часто использует спасенную девушку для спасения других.

Конечно, ни одна филантропическая ассоциация, какой бы рационалистичной и подозрительной к эмоциональным призывам она ни была, не может надеяться помочь девушке, однажды одолевшей отчаянное искушение, если она не сможет вернуть ее в поток доброго человеческого общения и в жизнь, включающую нормальные человеческие отношения. Такая ассоциация должна помнить мудрые слова графа Толстого: "Мы постоянно думаем, что есть обстоятельства, при которых к человеку можно относиться без ласки, а таких обстоятельств нет".

ГЛАВА VI

УСИЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Когда определенные группы в обществе, для которых социальная несправедливость стала невыносимой, готовятся к определенным действиям против нее, они почти всегда обнаруживают неожиданную помощь со стороны современных общественных движений, с которыми они впоследствии оказываются в союзе. Самая непосредственная помощь в этой новой кампании против социального зла, вероятно, придет косвенным образом от тех потоков гуманитарных усилий, которые постоянно расширяются и которые со временем постепенно вовлекут в свой растущий поток энтузиазма по улучшению человечества даже жертв белого работорговли.

Главным среди них является всемирное движение за сохранение и продление срока человеческой жизни, в сочетании с решимостью медицинской профессии устранить все формы микробных заболеваний. Те же врачи и санитары, которые практически избавили современный город от оспы и холеры и искореняют туберкулез, прекрасно знают, что социальное зло непосредственно ответственно за микробные заболевания, более распространенные, чем любые другие, и к тому же передающиеся по наследству. Снова и снова в истории больших городов - Вены, Парижа, Сент-Луиса - медикам предлагалось бороться с болезнями, возникающими в результате коммерциализации порока, которую допускали сами муниципальные власти. Но эксперименты с сегрегацией, лицензионными системами и сертификацией не были признаны успешными. Медицинская профессия, до сих

пор разделявшаяся мнениями о целесообразности подобных начинаний, практически едина в выводе, что пока существует коммерческий порок, врачи не могут гарантировать город от распространения порождаемого им заразного яда, который смертелен как для человека, так и для его потомства. Медики согласны с тем, что, поскольку жертвы социального зла неизбежно становятся распространителями заразных болезней очень стойкого и неизлечимого типа, безопасность в этом отношении заключается только в уничтожении коммерциализированного порока. Они указывают на косвенные пути распространения этой заразы, как и любой другой, но настаивают на том, что борьба с ней чрезвычайно осложняется тем фактом, что жертвы этих болезней крайне неохотно идут на то, чтобы их определяли и помещали в карантин. Медицинская профессия наконец-то заняла позицию, согласно которой общество, желающее защитить себя от этой заразы, в конечном итоге будет вынуждено уничтожить сам источник. Один известный авторитет утверждает, что единственным местом размножения микробов этих болезней, без исключения, является социальный институт, обозначаемый как проституция, но, размножившись и культивируясь там, они затем распространяются по всему обществу, поражая как невинных, так и виновных.

Мы можем себе представить, что после дюжины лет активной и умелой пропаганды этого мнения со стороны общественно настроенных врачей и санитаров, город вполне может обратиться к медицинской профессии с призывом уничтожить проституцию на том самом основании, что она является источником постоянной опасности для здоровья и будущего общества. Такой город мог бы с готовностью предоставить медицинскому совету, которому поручено заняться этим истреблением, более абсолютные полномочия, чем те, что предоставляются ему сейчас во время эпидемии оспы. Конечно, ни один город не сможет прийти к такому мнению, если просвещение населения не будет проходить гораздо быстрее, чем в настоящее время, хотя недавно введенный обычай тщательного медицинского обследования школьников и работников фабрик и торговых заведений должен привести к обнаружению многих подобных случаев, и в конце концов необходимо принять адекватные меры для их изоляции. Недавно в одной из чикагских школ был обнаружен ребенок с открытой раной на губе, что делало его опаснейшим источником инфекции. Ей было всего четырнадцать лет, она была слишком взрослой, чтобы попасть в самое жалкое и самое нелюбимое из всех детских отделений, где дети должны страдать за "грехи своих отцов", и слишком юной и невинной, чтобы попасть в женское отделение, где общество заботится о тех обломках беспутной жизни, которые больше не представляют ценности для коммерции, которая когда-то их обеспечила, и стали просто бесполезными акциями, не приносящими дивидендов. Болезнь маленькой девочки была в слишком сильной стадии, чтобы поместить ее в реабилитационный дом, недавно созданный в Чикаго для зараженных детей, которых выписывают из окружной больницы, но которых невозможно вернуть в прежнее окружение. В итоге филантропическая ассоциация была вынуждена оплачивать ее питание в течение нескольких недель женщине, которая тщательно следовала инструкциям по ее лечению. Это лишь один пример ребенка, которого удалось обнаружить и обеспечить, но очевидно, что общество не может долго оставаться равнодушным к заботе о таких случаях, когда оно уже создало средства для их выявления. За двадцать семь месяцев через это тяжелейшее детское отделение чикагской государственной больницы прошло более шестисот детей. Все дети, за исключением двадцати девяти, были младше десяти лет, и, несомненно, многие из них стали жертвами той жалкой традиции, что человек, страдающий неизлечимой болезнью, может вылечить себя за счет невинности.

Крестовые походы против других инфекционных заболеваний, таких как оспа и холера, предполагают продуманные санитарные меры предосторожности, зависящие от широкого просвещения и возбужденного общественного мнения. Просвещение и привлечение

внимания общественности к нынешней угрозе, очевидно, сопряжено с непреодолимыми трудностями. Многие газеты, столь готовые бороться со всеми другими формами порока и несчастий, никогда не позволяют упоминать об этом зле в своих колонках, кроме как в рекламе шарлатанских средств; духовенство, в отличие от основателя христианской религии и первых апостолов, редко проповедует против греха, неизбежным следствием которого являются эти заразы: Врачи, связанные строгим медицинским этикетом, ничего не говорят о распространенности этих недугов, используют в больницах запутанную номенклатуру и вписывают в свидетельства о смерти жертв только сопутствующие причины.

Тем не менее, легко предсказать, что общество, которое стремится к уничтожению инфекционных микробов, к более высокой степени общественного здоровья и к лучшим стандартам санитарии, не позволит этим высокоинфекционным заболеваниям бесконтрольно распространяться в своей среде, и что общественность, убежденная в том, что санитарная наука, должным образом поддерживаемая, может избавить наши города от этого типа заболеваний, в конце концов, будет настаивать на ее выполнении. Если учесть, сколько всего делается во имя здоровья и санитарии, то становится легко сделать такое предсказание, ведь общественное здоровье - это магическое слово, которое становится все более действенным, поскольку общество понимает, что само существование современного города было бы невозможным, если бы не было обнаружено, что здоровье человека в значительной степени зависит от гигиенического состояния его окружения. С тех пор как в 1844 году в Манчестере была создана первая комиссия по изучению условий жизни в больших городах, санитарная наука, как в области знаний, так и в области муниципальной власти, прогрессировала до тех пор, пока сторонники самых передовых мер в области городской гигиены и профилактической санитарной науки смело заявляют, что запущенное детство и запущенные болезни являются самыми мощными причинами социальной недостаточности.

Безусловно, можно было бы обратиться к женщинам и детям, которые часто становятся невинными жертвами этих болезней. Совсем недавно в Чикаго мое внимание привлекла невероятно жалкая участь вдовы с четырьмя детьми, которая находилась в таком постоянном страхе распространить инфекцию, за которую отвечал ее муж, что трогательно предложила навсегда оставить своих детей, если не будет другого способа спасти их от ужасных страданий, которые она сама испытывает. Несмотря на тысячи подобных случаев, Юта - первый и единственный штат, где принят закон, требующий сообщать об этой инфекции и контролировать ее, как и другие заразные болезни, а также уполномочивающий советы по здравоохранению принимать адекватные меры для обеспечения защиты.

Еще одним гуманитарным движением, которое, несомненно, окажет помощь в крестовом походе против социального зла, является великое движение против алкоголизма с его недавним возрождением во всех цивилизованных странах мира. Внимательный ученый назвал алкоголь незаменимым средством ведения бизнеса, которым занимались белые работорговцы, и утверждал, что без его употребления эта торговля не могла бы долго продолжаться. Кто бы ни пытался помочь девушке, пытающейся выйти из неправильной жизни, которую она вела, наверняка был обескуражен попытками жертвы побороть привычку употреблять алкоголь и наркотики. Как правило, такая девушка втягивается в эту жизнь, находясь в состоянии алкогольного опьянения, и продолжает пить, чтобы прожить каждый день. Более того, привычка пить становится все сильнее, потому что ей постоянно приходится продавать спиртное и "лечиться".

Подсчитано, что спиртное, проданное такими девушками, приносит торговцам прибыль в размере двухсот пятидесяти процентов сверх комиссионных самой девушки. Чикаго

предпринял по крайней мере одну честную попытку отделить продажу спиртного от проституции, когда суперинтендант полиции в прошлом году постановил, что спиртное не должно продаваться ни в одном неблаговидном доме. Сложность исполнения такого распоряжения значительно возрастает, поскольку такие заведения, как и сомнительные танцевальные залы, обычно получают специальное разрешение на продажу спиртного по федеральной лицензии, которая не только дешевле, чем лицензия на салун, получаемая в городе, но и имеет дополнительное преимущество для владельца - он может продавать спиртное после часа ночи, в это время в городе закрываются все салуны.

Совокупная годовая прибыль двухсот тридцати шести салунов, в которых нарушалось общественное спокойствие, недавно исследованных в Чикаго Комиссией нравов, составила 4 307 000 долларов. Эта прибыль от продажи спиртного прослеживается по всей линии в связи с трафиком белых рабов и является не менее губительной с точки зрения юношей, чем девушек. Даже легкое возбуждение от алкоголя ослабляет моральные чувства и накладывает сентиментальный или авантюрный отблеск на тот аспект жизни, от которого порядочный молодой человек обычно отшатывается, а его постоянное употребление стимулирует чувства в тот самый момент, когда интеллектуальные и моральные запреты ослаблены. Разве мы не можем сделать вывод, что целомудрие и самоограничение более прочно укоренились в современном городе, чем мы думаем, когда белые работорговцы находят необходимым и насильно удерживать своих жертв, и пичкать молодых людей алкоголем, чтобы они могли извлечь из этого выгоду? Генерал Бингем, который, будучи комиссаром полиции Нью-Йорка, несомненно, знал, о чем говорил, говорит: "В человеческой природе недостаточно разврата, чтобы поддерживать этот очень большой бизнес. Безнравственность женщин и жестокость мужчин нужно убеждать, уговаривать и постоянно стимулировать, чтобы сохранить это социальное зло в его нынешнем состоянии делового процветания".

Мы можем трезво надеяться, что некоторые из экспериментов, проводимых правительственными и муниципальными властями по контролю и регулированию продажи спиртных напитков, в конце концов увенчаются таким успехом, что существование публичной проституции, лишенной искусственного стимула в виде алкоголя, в конечном итоге будет поставлено под угрозу. Чикагская комиссия нравов внесла ряд ценных предложений по регулированию салунов и отделению продажи спиртных напитков от танцевальных залов и всех других мест, известных как вербовочные площадки для белых рабов. По-прежнему необходимо более широкое и тщательное просвещение общественности в отношении исторической связи между коммерциализированным пороком и алкоголизмом, тесной связи между политикой и интересами алкоголя, за которыми так часто скрывается социальное зло.

Помимо движений против зародышевых болезней и подавления алкоголизма, которые смягчают тяжелую участь жертв белого работорговли, другие общественные движения, таинственным образом затрагивающие все части социального порядка, со временем поставят под угрозу само существование коммерциализированного порока. Первым среди них, пожалуй, является движение за равное избирательное право. На горизонте повсюду видны признаки того, что женщина скоро получит право на политическую власть, и есть основания полагать, что она проявит свою эффективность, найдя средства для укрепления и сохранения человеческой жизни, хотя бы как результат своего векового опыта. Примитивный материнский инстинкт, который всегда был готов защищать и воспитывать, несомненно, быстро справится с некоторыми преступлениями, связанными с белым работорговлей; женщины, обладающие политической властью, не допустят, чтобы мужчины жили за счет захваченных жертв, открыто нанимали молодых людей для разорения и разврата девушек,

позволяли передавать яд нерожденным детям. Жизнь полна скрытых возможностей для исправления ситуации, которые общество еще не использовало, но, пожалуй, нигде расточительство не проявляется так вопиюще, как в зрелых выводах и суждениях женщин, которые постоянно вынуждены разделять социальную несправедливость, которую они не в силах изменить. Если бы женщины однажды получили политические права, если бы ситуация стала для них вопросом гражданской ответственности, невозможно представить, что существование социального зла останется неоспоримым в его полулегальной защите. Те женщины, которые уже обладают политической властью, во многих отношениях зарегистрировали свою совесть в отношении этого. Норвежские женщины, например, гарантировали каждому незаконнорожденному ребенку право наследования имени и имущества отца законом, который также предусматривает заботу о его матери. Это резко контрастирует с обычным отношением к матери незаконнорожденного ребенка, которая даже при признании отцовства ребенка получает от отца лишь жалкую сумму на его содержание; более того, если ребенок умирает до рождения и мать скрывает этот факт, хотя совершенно не виновата в его смерти, она может быть отправлена в тюрьму на год.

Во всех штатах, где женщины имеют право голоса, возраст согласия составляет восемнадцать лет, хотя только в восьми из них он так высок. В большинстве последних возраст согласия составляет от четырнадцати до шестнадцати лет, а в некоторых из них - до десяти. Эти правовые нормы сохраняются, несмотря на известный факт, что масса девушек вступает в неблагоприятную жизнь в возрасте до восемнадцати лет. В государствах с равным избирательным правом важные вопросы, касающиеся женщин и детей, будь то потогонное производство или публичный дом, всегда привлекали большое количество женщин-избирателей.

Конечно, женщины, имеющие право голоса, могли бы обеспечить определенную защиту белым рабыням, которых терпят и изолируют, но которые, поскольку само их существование незаконно, могут быть арестованы в любой момент по желанию любого капитана полиции, предстать перед мировым судьей, быть оштрафованными и заключенными в тюрьму. Арестованная женщина может быть вынуждена отвечать на самые оскорбительные вопросы, задаваемые ей городским прокурором, и при этом рядом не будет другой женщины, способной защитить ее от оскорблений. Ее могут подвергнуть самому жестокому допросу в присутствии полицейских, и при этом у нее нет матроны, к которой можно было бы обратиться. Подобные вещи постоянно происходят повсюду, кроме скандинавских стран, где присяжные, состоящие из женщин, рассматривают такие дела и защищают заключенных своим присутствием. Без такой защиты даже невинная женщина, которую заставляют предстать членом этого презируемого класса, не получает никакого внимания. Пятнадцатилетняя девочка, недавно игравшая в одном из театров Южного Чикаго, привлекла внимание молочника, который постепенно убедил ее в том, что он респектабелен. Провожая его однажды вечером до дверей своего ночлежного дома, девушка рассказала ему о своих трудностях и совершенно невинно приняла деньги в счет оплаты за комнату. На следующее утро, когда она выходила из дома, молочник встретил ее у дверей и попросил вернуть пять долларов, которые он дал ей накануне вечером. Когда она сказала, что использовала их, чтобы заплатить долг хозяйке, он сердито ответил, что если она немедленно не вернет деньги, то он вызовет полицейского и арестует ее по обвинению в краже. Девушку, беспомощную, поскольку она уже распорядилась деньгами, доставили в суд, где она, испуганная и растерянная, не смогла убедительно рассказать о беседе, состоявшейся накануне вечером; Если бы не быстрое вмешательство женщины, ей пришлось бы либо отдать себя во власть молочника, который предложил заплатить штраф, либо ее отправили бы в городскую тюрьму, но не потому, что доказательства ее вины были

неопровержимыми, а потому, что ее связь с дешевым театром и час так называемого преступления убедили суд, что она принадлежит к тому классу женщин, которые больше не имеют права на защиту закона.

Несколько лет назад в штате Колорадо непорядочные женщины Денвера обратились в большой политический клуб женщин с жалобой на действия полиции, которая заставляла их регистрироваться под угрозой ареста, чтобы впоследствии обеспечить их голоса для коррумпированного политика. Непорядочные женщины, желая скрыть свои настоящие имена и адреса, не хотели регистрироваться, отличаясь, по крайней мере, в этом отношении от мужчин из ночлежек, чьи продажные голоса играют столь важную роль на каждых муниципальных выборах. Женский политический клуб откликнулся на этот призыв и не только прекратил принуждение, но и в конце концов отправил в отставку ответственного за это начальника полиции.

Тот факт, что условия и результаты этого социального зла так далеки от понимания добропорядочных женщин, во многом объясняет секретность и лицемерие, на которых оно процветает. Большинство добропорядочных женщин, вероятно, никогда не согласятся прорваться сквозь свое невежество, если не руководствоваться чувством долга, которое всегда было стимулом к действию, на которое откликались даже робкие женщины. По крайней мере, было бы положено многообещающее начало более эффективному социальному контролю, если бы масса совестливых женщин однажды убедилась, что знание местных условий порока является гражданским долгом, если бы вся совокупность обычных женщин, просто потому, что они обладают правом голоса, почувствовала себя обязанной информировать себя о социальном зле в городах Америки. Возможно, самым непосредственным результатом стало бы изменение отношения к проституции со стороны выборных должностных лиц в соответствии с мнением их избирателей. Хотя и хорошие, и плохие люди одинаково ценят целомудрие в женщинах, и хотя хорошие люди требуют его от себя, почти все мужчины убеждены, что невозможно требовать его от тысяч своих сограждан, и поэтому попустительствуют политике чиновников, которые позволяют коммерциализированному пороку процветать.

Как первое организованное движение за права женщин было начато женщинами, которым отказали в местах на всемирном съезде против рабства, состоявшемся в Лондоне в 1840 году, хотя именно они были пионерами в организации американских аболиционистов, так и вполне возможно, что столь же энергичная попытка отменить белое рабство приведет многих женщин в движение за равное избирательное право, просто потому, что они тоже обнаружат, что без использования избирательного права они не могут эффективно работать для искоренения социального зла.

Считается, что женщины исторически равнодушны к социальной несправедливости, но возможно, что, если они однажды действительно осознают реальное положение проституток во всем мире, их чувство справедливости наконец-то освободится и станет новой силой в долгой борьбе за социальную справедливость. Ветер моральных устремлений то утихает, то дует с неожиданной силой, подгоняя движения социальной судьбы; но никогда паруса государственного корабля не несут его вперед с такой уверенностью, как когда они наполнены могучими надеждами недавно получившего право голоса класса. Те, кто уже несет ответственность за существующие условия, смирились с ними и вынуждены приводить доводы, объясняющие неизменность и так называемую необходимость самых дурных условий. С другой стороны, вновь получившие право голоса смотрят на существующие условия более критично, в большей степени как люди и в меньшей - как политики.

В конце концов, почему женщина-избиратель должна соглашаться с предположением, что каждый большой город должен либо выделять известные районы для размещения проституции, как это делает Чикаго, либо постоянно позволять ей процветать в доходных и многоквартирных домах, как это делается в Нью-Йорке? Маленькие общины и города по всей стране свободны, по крайней мере, от такой полулегальной организации проституции, и почему это должно быть принято как постоянный аспект городской жизни? В ценном отчете Чикагской комиссии нравов подсчитано, что двадцать тысяч человек, ежедневно ответственных за это зло в Чикаго, живут за его пределами. Это те, кто приезжает из других городов в Чикаго, чтобы посмотреть на достопримечательности. Они якобы нравственны дома, где их хорошо знают и подвергают постоянному контролю общественного мнения. Далее в отчете говорится, что во время съездов или "шоу" бизнес коммерциализированного порока чрезвычайно возрастает. Деревенская сплетница с ее язвительным языком, в конце концов, выполняет ценную функцию как кастрации, так и возмездия; но ее соотечественник, хотя и совершенно не осознающий ее сдержанности, приходя в городской отель, часто испытывает огромное чувство облегчения, которое легко переходит в настроение ликования. Вдобавок к этому он имеет преувеличенное представление о порочности города. Приезжему соотечественнику часто показывают музеи и сомнительные достопримечательности, предназначенные в основном для его покровительства, так же как туристов водят на пышные парижские пирушки и непристойности, предназначенные в основном для их ужасающего созерцания. Подобная ситуация свидетельствует о том, что, поскольку в большом городе контролировать ситуацию гораздо сложнее, чем в маленьком, город намеренно обеспечивает свою собственную неспособность в этом направлении.

Во время недавнего военного лагеря в Чикаго большое количество молодых девушек было привлечено к нему тем очарованием, которое всегда окружает солдата. По жалобе нескольких матерей следователи выяснили, что девочки находились там без ведома родителей, некоторые из них буквально вылезли из окон, когда родители решили, что они спят. Тщательное расследование показало не только огромный рост бизнеса в запретных районах, но и гибель многих молодых девушек, которые до этого были вполне респектабельными и могли противостоять обычным соблазнам городской жизни, но совершенно потеряли голову от блеска военного лагеря. Одну девушку следователь увидел поздним вечером, спешащей прочь из лагеря. Она была так поглощена своей бедой и так ослеплена слезами, что почти бежала на него, и он слышал, как она молилась, судорожно сжимая четки на шее: "О, Мать Божия, что я наделала! Что я наделала!" Чикагский лагерь был наконец взят под контроль совместными усилиями комиссаров парка, городской полиции и военных властей, но не без некоторого недовольства последних "гражданским вмешательством". Подобные лагеря можно рассматривать как историческое выживание, представляющее постоянные армии, существовавшие в Европе со времен Римской империи. Эти крупные мужские скопления, лишённые домашней жизни, всегда были центрами, в которых воспитывалось презрение к целомудрию женщин. В старых центрах милитаризма были приняты профилактические меры, направленные на сохранение здоровья солдат, но не проявляющие никакой заботы о судьбе погубленных женщин. В недавнем прошлом Джозефина Батлер и связанные с ней мужчины и женщины в течение восьми лет подвергали себя невыразимым оскорблениям, прежде чем в конце концов побудили английский парламент отменить печально известные законы о заразных болезнях в гарнизонных городах Великобритании, по которым само правительство не только разрешало порок, но и законодательно обеспечивало его в определенных пределах.

Главная трудность военной жизни заключается в том, что большое количество мужчин лишается нормальной семейной жизни, а значит, и бытовых ограничений и социальных

сдержек, которые действуют на массу людей. Великие пропагандисты мира подчеркивают неоправданные расходы на содержание постоянных армий Европы, социальные потери, связанные с уходом тысяч молодых людей из промышленных, коммерческих и профессиональных занятий в бесплодную негативную жизнь казармы. Они могли бы пойти дальше и сделать акцент на потере нравственной чувствительности, разрушении романтической любви, извращении тоски по жене и ребенку. Сама стабильность и утонченность социального порядка зависят от сохранения этих базовых эмоций.

Социальные обычаи устанавливаются так медленно и даже незаметно для конформного индивида, что масса людей подчиняется контролю вопреки себе, и поэтому всегда трудно определить, насколько средний уровень правильной жизни является результатом внешних воздействий, пока они внезапно не отменяются. Особенно это касается домашней жизни. Даже гнусные браки, в которых чувства опережают сердце, почти всегда заканчиваются установлением семейных отношений в той или иной форме. Молодая пара, которая, возможно, сочеталась браком на самом примитивном уровне, после двадцати лет упорного труда в скудном, нелюбимом окружении, несмотря на глупость и многочисленные ошибки, перед лицом неудач и даже проступков, проживет жизнь в непритязательной привязанности и семейной преданности к группе детей. Они добросовестно выполняют тот долг, который выпадает на долю большинства мужчин и женщин, с его высокими наградами и болезненными жертвами. Солдат же лишен этих благ и ограничений семейной жизни. Похожая ситуация наблюдается в каждом крупном строительном лагере и в переполненных городских квартирах, которые занимают тысячи мужчин-иммигрантов, приехавших в Америку со своими семьями.

В свете истории проституции в связи с милитаризмом ничто не может быть более абсурдным, чем привычное утверждение, что добродетельные женщины не могли бы безопасно ходить по улицам, если бы мужчинам города не предоставлялись возможности для тайного порока. Опасны именно те мужчины, которые не подчинились самоконтролю, и только они, как явствует из самих судебных протоколов.

В дополнение к крупным общественным движениям за улучшение здоровья населения, за установление воздержания, за равное избирательное право, за ускорение мира и арбитража существует всемирная организация и активная пропаганда международного социализма. Он всегда включал уничтожение этого древнего зла в свою программу социальной реконструкции, и с момента публикации великой книги Бебеля, почти тридцать лет назад, лидеры социалистической партии никогда не прекращали обсуждать экономику проституции с ее психологическими и моральными последствиями. Социалисты утверждают, что коммерциализированный порок в основе своей является вопросом бедности, побочным продуктом отчаяния, который исчезнет только с ликвидацией самой бедности; что он сохраняется не в первую очередь из-за слабости, присущей человеческой природе, а является пороком, возникающим из-за дефектов организации социальной жизни; что с реорганизацией общества, по крайней мере, вся проституция, которая основана на голоде жертв и на прибылях торговцев, исчезнет.

Будь мы социалистами или нет, мы все признаем, что каждый уровень культуры порождает свои особые пороки и открывает новые слабости и новые благородства в человеческой природе; что данное общественное развитие - например, условия жизни тысяч молодых людей в переполненных городских кварталах - может породить такие соблазны и представить такие ловушки для добродетели, что средняя человеческая природа не сможет им противостоять.

Сам факт полулегального существования социального зла в больших городах говорит о том, что наша индивидуальная мораль настолько неопределенна, что разрушается, когда социальный контроль отменяется и появляется возможность для тайны. Ситуация указывает либо на то, что лучшая совесть общества не может воплотиться в гражданские действия, либо на то, что наши города слишком велики, чтобы быть цивилизованными в социальном смысле. Эти трудности значительно усугубились в прошлом веке, отмеченном стремительным ростом городов, потому что великий принцип свободы не только превратился в нелюбимую доктрину коммерческой конкуренции, но и воспитал во многих людях убеждение, что развитие личности требует восстания против существующих социальных законов. К возможности скрытности, которую предоставляет современный город, такие люди могут добавить громкое оправдание своим аморальным поступкам. Однако, к счастью для нашего нравственного прогресса, сомнительные и нелегитимные теории свободы постоянно оспариваются, и новая форма социального контроля постепенно утверждается на основе принципа, столь распространенного в современном правительстве, что государство несет ответственность за условия, определяющие здоровье и благополучие его собственных членов; что в интересах самого социального прогресса с трудом завоеванные свободы должны быть ограничены очевидными потребностями общества.

Это новое и более энергичное развитие социального контроля, хотя и отражает что-то из того благотворного страха перед общественным мнением, который поддерживается близостью небольшого сообщества, гораздо более тесно связано со старыми общинными ограничениями и взаимной защитой, которым сначала поддалась человеческая воля. Хотя этот новый контроль основан на добровольном сотрудничестве самонаправленных индивидов, в отличие от принудительного подчинения, характерного для старых форм социального сдерживания, тем не менее в предсказании установления адекватного социального контроля над инстинктом, который современные романисты так часто называют "неконтролируемым", есть определенная санкция на эту старую и почти забытую историю.

Самый поверхностный знаток социальных обычаев быстро обнаруживает практически неограниченную степень, в которой общественное мнение всегда регулировало брак. Если традиции одного племени были эндогамными, все мужчины покорно вступали в брак в его пределах; если же обычаи другого племени предписывали, что жен нужно добывать путем захвата или покупки, все мужчины этого племени отправлялись в путь, чтобы найти себе пару. От первобытного австралийца, который приобретает жен в обмен на своих сестер или дочерей и даже не мечтает получить их каким-либо другим способом, до утонченного молодого француза, который без возражений женится на невесте, выбранной для него заботливыми родителями; От древнего еврея, который охотно женился на вдове своего умершего брата, потому что так было положено по закону, до современного англичанина, который отказался жениться на сестре своей покойной жены, потому что закон запрещал это, - весь путь так называемого неконтролируемого инстинкта постепенно ограничился аккуратно подстриженной живой изгородью и неуклонно ведет к дому обычной домашней обстановки. Мужчины влюблялись в своих кузенов или отказывались влюбляться в них, в той же мере, в какой обычай объявлял браки между кузенами желательными или нежелательными, как раньше они женились на своих сестрах, а потом совершенно перестали желать жениться на них. На самом деле регулирование этого великого первобытного инстинкта восходит к самому человеческому роду. Все высшие племена обезьян строго моногамны, а многие виды птиц верны одной паре сезон за сезоном. По мнению великого авторитета Фореля, проституция никогда не была распространена среди первобытных народов. Даже дикие племена определяли возраст, в котором молодым

мужчинам разрешалось брать на себя отцовство, поскольку немощные дети отнимали у них ресурсы общины. По мере того как первобытный контроль ослабевал с исчезновением племенной организации, а затем и патриархальной семьи, постепенно устанавливался социальный контроль, не менее обязательный, пока на протяжении веков, несмотря на множество мятежных индивидов, основная масса мужчин не стала жить в соответствии с диктатом церкви, правовыми требованиями государства и контролем общины, хотя бы потому, что боялась социального ostracism. Однако легко забыть об этих людях и их прозаических добродетелях, ведь история так долго занималась описанием придворных амуров и нежных походов владыки.

Великий первобытный инстинкт, столь чутко реагирующий на социальный контроль и являющийся почти образцом социальной покорности, очевидно, порывал со всеми ограничениями и приличиями при двух условиях: первое и второе - когда индивид чувствовал, что он выше социального контроля, и когда у него была возможность скрывать свою повседневную жизнь. Проституция на коммерческой основе в какой-то мере включает в себя эти два условия, поскольку она становится возможной только в обществе, настолько сложном, что социальный контроль может быть успешно обойден, а индивид при этом чувствует себя выше его. Когда город настолько велик, что крайне сложно установить индивидуальную ответственность, то, что веками считалось роскошью короля, становится доступным каждому офисному работнику, а отсутствие общественного контроля, которое принадлежало только владыке, чувствовавшему себя выше стандартов народа, может быть использовано любым горожанином, который может обойти своих знакомых. Против такой моральной агрессии старые виды социального контроля бессильны.

К счастью, те же условия многолюдного города, которые делают возможной моральную изоляцию, постоянно способствуют развитию нового сдерживающего фактора, основанного на взаимной зависимости городской жизни и ее повседневных потребностей. Город сам социализирует те самые инструменты, которые составляют аппарат социального контроля - закон, гласность, литературу, образование и религию. Благодаря их социализации желательность целомудрия, которая до сих пор была вопросом индивидуального мнения и решения, начинает рассматриваться не только как личная добродетель, необходимая для женщин и желательная для мужчин, но и как великое базовое требование, которое общество научилось требовать, потому что оно доказало, что оно необходимо для благополучия человека. К индивидуальным ограничениям добавляется убеждение в социальной ответственности, и вся решимость целомудрия подкрепляется социальными санкциями. В отношении женского целомудрия такой переход на социальные основания уже явно имеет место. Раньше все, чем обладала лучшая женщина, - это отрицательное целомудрие, которое тщательно оберегали ее родители и дуэны. Целомудрие современной женщины, ведущей самостоятельную деятельность, имеющей разнообразный круг интересов, знакомой со многими мужчинами и женщинами, приобретает новую ценность и значение в установлении социальных стандартов. Существовала определенная основа для убеждения, что если женщина теряет свою личную добродетель, то она теряет все; когда у нее нет активности вне домашней жизни, сама ситуация дает основание считать, что мужчина может претендовать на похвалу за свою общественную карьеру, даже если его домашняя жизнь была порочной. Однако по мере того, как женщина будет выполнять свои гражданские обязанности, сохраняя при этом целомудрие, она, как никогда прежде, сможет отстаивать "единый стандарт", требуя, чтобы мужчины дополняли исполнение общественных обязанностей личными добродетелями. Женщины наконец-то смогут заставить мужчин отказаться от традиционного использования публичной репутации как прикрытия для

жалкого личного характера, потому что общество никогда не позволит женщине оправдывать себя подобным образом.

Поэтому каждое движение, направленное на увеличение доли гражданской ответственности женщины, несомненно, предвещает то время, когда над мужчинами будет установлен социальный контроль, подобный тому, который так давно был установлен над женщинами. Современные отношения между мужчинами и женщинами, которые римляне называли "добродетелью между равными", будут расти, делая женщин более свободными и благородными, менее робкими в отношении репутации и более человечными, но при этом неизбежно изменятся и стандарты мужчин.

С другой стороны, нет сомнений, что эта новая свобода от домашнего и общественного контроля, а также возможность скрыться от наблюдения, которую дает город, часто используется женщинами недостойно. В отчете Чикагской комиссии по борьбе с пороком рассказывается о множестве девушек, живущих в небольших городах и провинциальных поселках, которые время от времени приезжают в Чикаго по договоренности с хозяйкой, казалось бы, респектабельной квартиры. Они остаются надолго, чтобы заработать деньги на весенний или осенний гардероб, и возвращаются в родной город, где их знакомые совершенно не подозревают о том, какими методами им удалось заполучить столь желанные костюмы, привезенные из города. Часто непривлекательная деревенская девушка, приехавшая жить в город, постепенно скатывается к порочной жизни из-за отсутствия социальной сдержанности. Живя в небольшом обществе, такая девушка понимала, что хорошее поведение является защитной мерой и что любое подозрение в безнравственности быстро разрушит ее общественное положение; но, лишившись такого наблюдения, она надеется, что сможет перейти от своей регулярной жизни к нерегулярной и обратно, прежде чем факт будет замечен, как это пытаются сделать многие молодые люди.

Пожалуй, ни одна молодая женщина не подвержена искушению такого рода больше, чем та, что работает в офисе, где она может быть единственной сотрудницей и где отношения с работодателем и коллегами по работе строятся почти на социальной основе. Многие офисные девушки прошли "бизнес-курсы" в своих родных городах и приехали в город в поисках больших зарплат, не имеющих аналогов на родине. Такая позиция не только нова для человека, но и является настолько недавним результатом современных методов ведения бизнеса, что еще не успела стать общепринятой. Девушка лишена полезной социальной сдержанности, которую дает общение с другими работающими женщинами, и ее изоляция сама по себе представляет опасность. Расследование показало, что поразительно много чикагских девушек нашли свои места по объявлениям и не имели возможности убедиться в респектабельности своих работодателей. Кроме того, девушки, которые ищут такие должности, иногда тщеславны и претенциозны и соглашаются на любую офисную работу, потому что она кажется им "более женской". Девушка такого рода приехала в Чикаго из страны три года назад в возрасте семнадцати лет и устроилась стенографисткой в крупную адвокатскую контору. Она была красива и привлекательна, и в своем желании увидеть больше замечательного города, в который она приехала, она приняла множество приглашений на ужины и в театры от более молодого сотрудника фирмы. Другие девушки в офисе, представляющие более способный тип деловых женщин, среди которых формируется строгий кодекс поведения, хотя в настоящее время он часто проявляется только в социальном остракизме той из них, которая нарушила условности, выразили протест против ее поведения сначала девушке, а затем главе офиса. Обычная история развивалась стремительно, девушка теряла свое положение, ее деверь, узнав о причине, отказывал ей в жилье, и она становилась абсолютно зависимой от мужчины. Поскольку их отношения стали

печально известны, его в конце концов попросили уйти из фирмы. Когда мне стало известно об этом, она уже год как была брошена. Единственные знакомые, которых она знала за это время, были люди в неприглядной гостинице, где она жила, когда исчез ее любовник, и именно благодаря их ошибочной доброте, предоставившей ей возможность жить единственной жизнью, с которой они были знакомы, она была втянута в худший порок города.

Она была одной из тысяч молодых женщин, чей недисциплинированный ум подвергается смертельному удару со стороны тонкостей и софистики городской жизни и теряет ориентиры среди множества новых впечатлений. Девушке, взбудораженной одним лишь присутствием городских волнений и жаждущей их разделить, трудно удержаться на серой и монотонной дороге обычной работы. Почти каждая такая девушка из сотен, пришедших в ужас, "начинает" с того, что принимает приглашения на ужины и в увеселительные заведения. Ей всегда импонирует та легкость, с которой город позволяет скрываться, но в то же время она смутно возмущена тем, что он так равнодушен к ее индивидуальному существованию. Невозможно оценить количество подпольной проституции, которую содержит современный город, но несомненно, что рост социального зла в настоящее время лежит в этом направлении. Другое, менее зловещее, развитие - это, возможно, современное проявление того разрыва, который долгое время считался необходимым, между установленной моралью и творческой свободой, представленной гетайрой в Афинах, одаренной актрисой в Париже, гейшей в Японии. Поскольку к таким женщинам стали относиться как к независимым человеческим существам и ценить их душевное и социальное обаяние, даже если они работают на коммерческой основе, это способствует гуманизации этого самого гнусного бизнеса. Такие открытые проявления проституции ускоряют социальный контроль, ведь гласность всегда была первым шагом к пониманию и дисциплине общества.

Несомненно, отношение к жертвам коммерциализированного порока будет меняться под влиянием многих реакций на общественное сознание, через тысячи проявлений великого демократического движения, которое развивается вокруг нас. Конечно, мы можем с уверенностью предсказать, что когда солидарность человеческих интересов будет действительно реализована, станет немыслимым, чтобы один класс людей был принесен в жертву предполагаемым потребностям другого; когда права человеческой жизни успешно заявят о себе в противовес правам собственности, станет невозможным продавать молодых и беспечных в деградацию. Век, отмеченный энергичными протестами против рабства и классовой тирании, не будет продолжать игнорировать множество женщин, которые находятся в буквальном рабстве; и век, характеризующийся новой нежностью к проигравшим в жизненной гонке, всегда будет упорно отказывать в прощении женщине, которая потеряла все. К прозвучавшему через века голосу, исполненному жалости к той, кто "много согрешил", должны наконец присоединиться прощающие голоса других людей, которым открылось, что именно черствость сердца всегда мешала божественным целям религии. Поколение, пережившее столько восстаний против коммерческой агрессии и беззакония, наконец-то возглавит еще одно восстание от имени молодых девушек, ставших жертвами самого низкого и мерзкого коммерциализма. По мере того как сознание человеческих страданий, уже нависшее, как черная туча, над тысячами наших более чувствительных современников, становится все более острым, оно должно наконец охватить женщин, которые на протяжении стольких поколений не получали ни жалости, ни внимания; по мере того как чувство справедливости стремительно расширяется, охватывая все человеческие отношения, оно должно наконец достичь женщин, которых так долго осуждали, не слушая.

В том огромном и многотрудном деле морализации, которому подвергается человеческая раса, она должна постоянно освобождаться от уцелевших и диких инфекций первобытной жизни, из которой она вышла. То одно, то другое из древних несправедливостей и безжалостных обычаев, которые так долго были привычными, что казались неизбежными, поднимаются в моральном сознании уходящего поколения; сначала для тревожного созерцания, а затем для галантного исправления.

Пусть Америка примет доблестное участие в этом международном крестовом походе сострадания, привлекая под свои знамена не только тех, кто чувствителен к несправедливостям других, но и тех, кто осознает гибель самой расы, кто составляет постоянную армию человеческой жалости к себе, которая постепенно мобилизуется для новых завоеваний!